

ВАЛЕРИЙ СКЛЯРОВ

Мужской взгляд

ДНЕВНИК ОХОТНИКА ЗА
ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Валерий Скляр

**Мужской взгляд. Дневник
охотника за приключениями**

«Издательские решения»

Скляр В.

Мужской взгляд. Дневник охотника за приключениями /
В. Скляр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904661-1

Я ненавижу эти тексты — они пафосные и наивные одновременно. На момент их появления я умел прыгать с парашютом, погружаться под воду, стрелять из всех видов оружия, руководить комбикормовой и мукомольной промышленностью, управлять яхтой и танком, не умел я только писать рассказы. Но, как видите, это меня не остановило. Правильнее было бы сжечь их и никому больше не показывать, как это сделал бы Николай Гоголь. Но дело в том, что Антона Чехова я люблю больше.

ISBN 978-5-44-904661-1

© Скляр В.
© Издательские решения

Содержание

НЕИЗБЕЖНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ	6
НА ОДИН РАЗ МЕНЬШЕ	7
ПЕРВОЙ СТАТЬИ	9
ИГРАЙ, МОЙ БАЯН!	11
НЕ БЕГИ	14
ЖИЛИН И КОСТЫЛИН	16
КОРТИК	18
ЖИТЬ ВЕЧНО	20
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК	22
ВАМ И НЕ СНИЛОСЬ	24
ГЕРОИЗМ ПРОДЛЕВАЕТ ЖИЗНЬ	26
ТРОПА ШАРАПОВА	28
НЕ СПАТЬ!	30
ДАВАЙ ПОКУРИМ	32
БЕРЕГИТЕ МАТЬ ВАШУ	34
УПРАВЛЯТЬ СТРАНОЙ	36
АНГЕЛ МОЙ	38
МОИ ЛЮБИМЫЕ КАЛИНИНГРАДКИ	40
СДЕЛАНО ПО-РУССКИ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мужской взгляд Дневник охотника за приключениями

Валерий Скляр

© Валерий Скляр, 2018

ISBN 978-5-4490-4661-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕИЗБЕЖНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Не уверен, что этот самый текст, который вы видите перед собой, с полным правом можно назвать книгой. Больше вам скажу: мой учитель – российский писатель Юрий Куранов – совершенно выбился из сил, пытаясь найти в этих заметках хоть какой-то проблеск писательского таланта, и в конце концов поставил на мне крест как на писателе. Юрия Николаевича шокировало в моих очерках полное отсутствие хоть какой-то литературной фантазии.

В ваших руках сборник статей, опубликованных в «Калининградской правде» в 2006—2007 годах под рубрикой «Мужской взгляд». Прежде чем превратиться в статьи, эти крохотные зарисовки существовали в виде онлайн-дневника и по какой-то причине привлекли внимание самой широкой аудитории.

Дневника этого больше не существует, да и «старейшая и авторитетнейшая» почилла в бозе, и пожелтевшие газеты вечно будут пылиться на полках библиотек, а материал остался. И из него слепилась вот такая книга. Которую я с удовольствием отдаю на суд своего читателя.

НА ОДИН РАЗ МЕНЬШЕ

Лето. Ночь. Международная трасса Калининград – Безледы. По обочине бодро шагает молодой человек в светлом костюмчике и замшевых туфлях.

От балкона любимой, с которого герою-любовнику пришлось спешно прыгать в два часа ночи, до порога собственного дома еще шагать. И шагать километров двадцать. Рейсовые автобусы давно не ходят. Попутные машины шарахаются от одинокого пешехода на темном шоссе. Так что левой, левой, раз-два-три.

Неожиданно начинает накрапывать крупный августовский дождь, и пешеход моментально промокает до самых костей, а пиджак и брюки становятся тяжелыми, склизкими и противно прилипают к разгоряченному телу.

Четыре часа, пять. Ночь тает и из иссиня-черной с желтыми вкраплениями звезд и редких фонарей становится сиреневой, а потом светло-серой.

Если на ходу оглянуться назад, то можно удивиться необыкновенному светопреставлению, которое всякий раз предупреждает о восходе солнца и всякий раз заставляет собой восхищаться.

Но наш продрогший герой смотрит на запад и только на запад. Впереди уже можно различить голубые силуэты штурмовых истребителей, дремлющих перед капонирами. А это значит, что до военного городка, где живет наш пешеход, – рукой подать.

Неожиданно тормозит и подруливает к обочине попутная машина с польскими номерами. Какой-то запоздавший контрабандист сжалился над пешеходом и решил его подвезти.

– Ну что, пан, от бабы идешь? – поляк, вероятно, полагает, что за проезд ему должны заплатить хотя бы интересным рассказом. Он бесперечь курит и смешно коверкает слова, всякий раз ставя ударения на первом слоге.

– Да, домой. Свидание закончилось раньше обычного, теперь пешком добираюсь, – добросовестно отрабатывает свой проезд молодой человек.

– Пан, наверное, еще студент?

– Уже нет. На флоте служу.

– Почему не по форме? – округляет водитель глаза и внимательно оглядывает промокший до нитки костюм.

– У меня увольнительная, понимаете? На выходные домой отпустили. На два дня. У девушки побывал, теперь надо родителей проведать.

– Понимаю, понимаю. Для девушки суббота, для мамы – неджеля, – усмехается поляк.

– И что девушка, все добже фчорай вышло? – задает контрабандист свой следующий вопрос, при этом делает такие глаза, что становится совершенно понятно, какие конкретно подробности вчерашнего свидания его интересуют.

После этого вопроса наш герой совсем теряется и начинает лопотать что-то совсем невразумительное, из чего можно только понять, что сегодня у него ничего не вышло, потому что в самый решительный момент пришлось спешно собирать разбросанные по комнате вещи и сигать с балкона второго этажа. Но это ничего страшного, потому что девушка никуда не денется, и есть еще день, и будет еще воскресный вечер, и все еще выйдет. Если не сегодня, то обязательно завтра! Вот! Завтра все выйдет! Даже несколько раз подряд!

Помолчали. Контрабандист достал из пачки мятую сигаретку, закурил, выпустил клуб серого дыма и как-то грустно и одновременно очень значительно промолвил:

– Завтра, завтра. Чтобы пан не сделал завтра, все равно это будет уже на один раз меньше...

Столько лет прошло, а все еще помню этого поляка, помню его помятый «Фиат», помню запах паршивых сигарет и эту его странную фразу.

Наверное, именно поэтому я никогда и ничего не откладываю на потом. Я твердо знаю, что если я сейчас чего-то не доделаю, не скажу, не прочувствую, не напишу, не спю, не полюблю, то завтра, завтра этого всего у меня будет ровно на один раз меньше...

ПЕРВОЙ СТАТЬИ

Я – старшина 1-й статьи. На моих куцых флотских погонах вместо буквы «Ф» светятся три золотистые лычки – моя военно-морская карьера. Не с неба они упали на мои плечи, и не за красивые глаза командование каждые полгода присваивает мне очередное воинское звание.

Первую «соплю» пришили за то, что, перейдя из учебной роты в боевое подразделение, я сразу же получил под начало отделение старослужащих. Через месяц они выполняли мои команды в строю и настойчивые рекомендации вне строя. Правда, нарочито не спеша, поминутно сплевывая и недобро шурясь, но выполняли! Мне стоило это пряди седых волос.

Вторая лычка опустилась на погоны, когда из трех выстрелов из РПГ-7Д с расстояния в 200 метров я трижды попал в ветровое окно «Запорожца» – нашей учебной мишени. За это заплатил легкой контузией и разорвал палец до кости, когда в горячке налета схватил левой рукой гранатометный «выстрел», а правой привел в действие спусковой механизм. Что хочу сказать о своих впечатлениях: все эти занимательные рассказы известного барона о полете на ядре – полная чушь. Даже ракета не смогла оторвать меня от земли, только руку искалечила.

Третью лычку я получил вместе со своим собственным отделением бойцов и «добром» кэпа сделать из этих салаг настоящих рейнджеров.

За это я плачу непосредственно сейчас, на этих занятиях по тактико-специальной подготовке.

Занятия я провожу сам. Сегодня по плану марш-бросок, и я решил показать новобранцам, где именно в Прибалтике зимуют раки, для чего свернул с проторенной дороги, бегу по снежной целине и торю снежный ров глубиной по колено.

За моей спиной пыхтят мои бойцы – дети тамбовских, рязанских, калужских и тверских крестьян, – топчут безразмерными ботинками и сопят мне в затылок. Все десять человек – богатыри, как на подбор. Румяные, высокие, здоровые, глупые и исполнительные восемнадцатилетние парни. А здоровья в них столько, что хватит на троих таких измученных жизнью двадцатичетырехлетних контрактников, как Валерик Скляр.

Я трачу на обучение и воспитание этих парней столько времени, что могу по топоту шагов узнать каждого из своих бойцов. Прямо мне в макушку дышит боец по кличке Лось. Если бы мне вздумалось внимательно посмотреть ему в глаза, пришлось бы высоко подпрыгнуть или поставить его на колени. Этот великан попал в часть случайно и доставляет всем массу хлопот. Его огромные ручищи, которыми он спокойно берет трехлитровую банку за доньшко, как граненый стакан, не пролазят в пластиковые кольца, обеспечивающие герметичное соединение резиновых перчаток с гидрокостюмом. Поэтому на спусках запястья Лося всегда обмотаны скотчем. Ест он столько, что приводит в ужас все наше тыловое начальство. Каждый день ему жарят специальную гигантскую котлету, и он сжирает ее на глазах менее крупных товарищей, за что Лося бойцы любят с каждым днем все больше. Умом этот экземпляр тупиковой ветви развития хомо сапиенс не отличается. Буквально на днях, исполняя просьбу старшины сходить на стоянку и вынуть из панели мичманского личного «Москвича» магнитоу, Лось выдрал ее вместе с панелью и всеми проводами.

Несколько месяцев спустя Лось потеряет сознание на важнейших соревнованиях групп специального назначения, и его бездыханное тело парням придется волоочь по земле десять километров, потому что спецназ своих не бросает.

За Лосем сопит матрос Влас. У этого крепкого парня самомнение развито сверх всякой меры, а голова в стрессовых ситуациях работает плохо. Шесть месяцев Власа интенсивно учили стрелять из гранатомета, а в самый решающий момент он переволновался и правую сторону спутал с левой, а метры – с сантиметрами. И выпустил три «выстрела» чуть ли не под ноги себе.

Но больше пострадал от того, что командир группы, попрощавшись с надеждой отличиться на учениях, погнул о Власа приклад автомата.

Вот сопит носом боец Гарик. Сухой, как гончая, и выносливый, как россомаха. В воспитание Гарика я вложил всю душу, как будто чувствовал, что через два года он сам станет контрактником и воспитает десятки классных специалистов, двое из которых, к сожалению, станут серийными убийцами и ославят нашу славную часть как «школу убийц».

Через двадцать минут я начинаю задыхаться и отчетливо понимаю, что сейчас упаду, а эти быки тупые пока поймут, что случилось, успеют меня затоптать. Больше, чем воздуха, мне не хватает в этом строю министра обороны или, на худой конец, главкома ВМФ. Мне бы очень хотелось на практике продемонстрировать этим уважаемым сторонникам перевода всего личного состава российской армии и флота на контрактную службу, чем именно матросы-срочники отличаются от контрактников в лучшую сторону. В первую очередь – невероятным здоровьем, о котором на третьем году службы сверхсрочникам остается только вспоминать.

Сдерживая дыхание, отдаю приказ: «Власов, направляющим! Бегом марш!»

Здоровенный боец по кличке Влас с легкостью обходит меня справа, увеличивает темп, и снег летит из-под его ног, как земля из-под плуга.

Мне становится совсем нехорошо. Но сдаваться нельзя, нельзя отдать приказ «Шагом марш», нельзя ни на шаг отстать от Власа, потому что тогда бойцы поймут, что их старшина слеплен из такого же теста, как и они сами, а не выкован из стали, как они думали до сих пор, и немедленно перестанут мне слепо повиноваться.

Пот заливает мне глаза, измученное безупречной службой сердце стучит где-то в горле, а весь мир сузился до ширины плеч бойца Власова, от которого я со всех сил стараюсь не отстать.

В тот момент, когда я понимаю, что сил выкрикнуть команду «Стой» у меня больше нет, и теперь этот бег никогда не закончится, все мгновенно прекратилось. Тяжело отдуваясь, мы останавливаемся на опушке леса. Власов тупо пялится на огромные деревья, преградившие нам путь, затем оборачивается ко мне и спрашивает: «А куда дальше бежать, товарищ старшина?»

– Привал три минуты! На снег не ложиться! Выполнять! – роняю я реплику и прислоняюсь спиной к толстому, покрытому слоем серого мха стволу дерева. Слава тебе, дубовая роща, спасла честь и достоинство старшины 1-й статьи Склярова. А может, и жизнь спасла. Не знаю, какие порядки царят в других частях, а у нас старослужащий, да еще и старшина, предпочитает лучше сдохнуть, чем опозориться перед товарищами. А тем более перед своими подчиненными. Потому что жизнь человеческая на флоте ничего не стоит, а вот сложная смесь чувств и переживаний, связанных с осознанием своего и только своего места в общем строю, которую гражданские называют непонятным словом «честь», – для каждого из нас бесценна.

ИГРАЙ, МОЙ БАЯН!

Хочу признаться, что крупные проблемы в моей жизни начались еще задолго до рождения. И проблемы эти были накрепко связаны с немецким баяном фирмы «Вельтмейстер», бережно вывезенным из Берлина моим дедом в качестве сувенира после поездки по освобожденной от фашизма Германии. Сверкающий перламутром и переливающийся багрянцем инструмент был упакован в специальный кофр, завернут во фланель, обложен со всех сторон нотами и дожидался рождения внука, который обязан был стать не просто солдатом, а лучшим солдатом Советской Армии. А лучшие солдаты, по мнению деда-фронтовика, обязаны были владеть игрой на каком-нибудь инструменте. Поэтому маленький Валерик был обречен.

– Ну, внучек, покажи свой дневничок!

Дед встречает меня по дороге из музыкальной школы, в которую я таскаюсь чуть не каждый день исключительно по его милости. Дед вбил в голову моим родителям, что его обожаемый внук просто обязан научиться играть на баяне. Роскошный концертный инструмент зажиточно сверкает перламутром на бархатном лоне специального кофра. Это зрелище сломало и моих родителей. Им нечего стало возразить против моего музыкального будущего.

Надо ли говорить, что «музыкалку» я возненавидел всеми фибрами души. Но дед был непреклонен.

– Когда ты пойдешь служить в армию, как все нормальные мужчины, ты будешь меня еще благодарить. В мое время баянист в армии был первым человеком и пользовался огромным уважением. И если ты научишься играть, то и служба твоя пойдет веселее! Верь мне.

Когда дело касалось вопросов воинской службы, не верить деду было невозможно. Парадный китель с капитанскими погонами и невероятным количеством орденов и медалей за победу над германским фашизмом и японским милитаризмом от правительства СССР и еще нескольких стран Европы и Азии висел в шкафу, у самой дальней стенки. Китель извлекался по великим праздникам. Дед надраивал медные пуговицы, надевал на себя тяжелую и звенящую форму и отправлялся на встречу с однополчанами, откуда всегда возвращался слегка навеселе и пугал бабку песнями на немецком языке.

Противопоставить этому авторитету я, восьмилетний пацан, мог только свое врожденное упрямство и саботировал посещение ненавистной музыкальной школы как только мог. По этому поводу у нас с дедом регулярно происходили серьезные мужские разговоры, после которых он уходил из дома подышать воздухом, а я с ненавистью садился терзать ни в чем не повинный немецкий инструмент. И терзал его ровно пять лет, после чего сдал экзамены и больше никогда не притрагивался к этому монстру с мехами.

Попав служить на флот, я убедился, что играть на музыкальных инструментах – это уже не актуально. Военнослужащие современной Российской армии проводят все свои действия на плацу под заунывные песнопения, которые у нас называются строевыми, в крайнем случае – под барабан. Но на втором году службы на флоте мне пришлось горько пожалеть о своем плохом прилежании в деле изучения гамм, фуг и прочих какофоний.

– Валера, подойди ко мне. Бегом подойди!

Когда командир хочет поручить мне какое-нибудь невыполнимое задание, он всегда называет меня исключительно по имени, очень любит вызвать к себе в кабинет, поставить по стойке «Смирно» и рассказывать мне про мое будущее. Эти рассказы особым разнообразием не отличаются. Кэп видит меня в будущем кадровым офицером спецназа. Вот только не может определиться, в какое именно военное училище меня следует засунуть. А еще кэп любит поручать мне всякие невыполнимые задачи.

– Замполит рассказал, что видел в твоём личном деле запись о том, что ты еще и музыкальную школу окончил. По классу баяна? Так вот. Я решил, что ты будешь на строевом смотре

играть. Во время торжественного прохождения по плацу. «Варяга»! Тогда проверяющие точно сума сойдут от удивления! Генеральная репетиция через час. Баян возьмешь у замполита. Часа тебе хватит, чтобы «Варяга» разучить?

Командир верит в меня свято, и, если я скажу, что видел баян в последний раз лет восемь назад и на разучивание более или менее сложного произведения мне понадобится не час, а как минимум месяц, он просто рассмеется. Ст.1.ст. Скляр говорит, что задание невыполнимо? Это что, шутка? Неудачная шутка. Старшина спецназа не знает невыполнимых задач.

Прикладываю клешню к голове, разворачиваюсь кругом и иду за баяном.

Замполит – лысый урод – вручает мне инструмент и желает удачи.

Я сажусь на баночку в кубрике с баяном в обнимку, с тоской смотрю за окно в наступающие сумерки и жду наступления смерти...

Смерть приходит ровно через час в виде сопливого вестового, который, топя «гадами», вбегает на третий этаж казармы и передает приказ командира явиться на построение.

Я встаю, напяливаю шинель, вешаю на грудь баян и выхожу на расстрел. Часть выстроилась на плацу в колонну по два. Офицеры, мичмана, матросы, старшины – десятки глаз внимательно смотрят за тем, как я выхожу на середину плаца и, повернувшись лицом к своим товарищам, судорожно вцепляюсь в злосчастный инструмент.

Не помню, о чем я тогда думал, на что надеялся. В голове была только тупая решимость идти до конца и ни за что не сдаваться.

– Товарищи, внимание! – командир части своим громовым голосом обрывает шевеление и «разговорчики» в строю. – Сейчас старшина сыграет нам «Варяга», а мы ему подпоем. В движении, так сказать. Двигаться будем на месте, значит. Часть, слушай мою команду: на месте ШАГОМ! МАРШ!

«Хрум-хрум-хрум», – дружно ударили в замерзшую землю сотни ног и взвились в воздух сотни черных флотских перчаток.

– Песню ЗАПЕ-ВАЙ! – гаркнул кэп и вместе с этой его командой я что есть силы впился пальцами во все кнопки баяна и рванул меха!

«ХА-А-А-А-А-А-А-А» – вот это был звук! Это был такой звук, братишки, который никто и никогда прежде не извлекал из неодушевленного предмета. В нем смешалась вся моя ненависть к музыке, решимость прорваться во что бы то ни стало, провалиться сквозь землю, умереть, но выполнить приказ! От этого громового, неожиданного, нелепого рева черный строй вздрогнул, как от удара взрывной волны, и вдруг одновременно грохнул гомерическим, счастливым хохотом!

Смеялись все – от командира части до последнего сопливого бойца учебной роты, смеялись так искренне и беззлобно, что мне все еще мечталось провалиться сквозь плац, но умирать уже расхотелось.

Спас меня, как это ни странно, начальник штаба. Он взял меня за рукав, быстро затащил в ближайшую дверь учебного корпуса, забрал инструмент и заявил:

– Удивляюсь я тебе, Скляр, иностранными языками владеешь, азбуку Морзе знаешь, а такую простую штуку, как баян, освоить не можешь. – И грозный начальник штаба – наш хам в законе и главное пугало части – по-отечески подмигнул, отнял у меня меха и принялся нещадно их терзать до тех пор, пока с плаца не убрался последний матрос и можно было покинуть это временное убежище без смешков и подколов.

История эта очень быстро забылась. Мои боевые товарищи отсмеялись и простили мне мои пять минут позора. Зато это был действительно последний раз в моей жизни, когда я брал в руки проклятый баян.

Как же не прав был мой дед-фронтовик, когда предрекал мне счастливую службу с инструментом под мышкой. И что это за инструмент? Вот автомат имени Михаила Тимофе-

евича Калашникова – это инструмент. А баян – это просто голенище с перламутровыми пуговицами.

НЕ БЕГИ

– Валера! Срочно посоветуй, что нам делать! Это какой-то кошмар! Мы получили повестку. СЫНА В АРМИЮ ЗАБИРАЮТ! Ты же все на свете знаешь, ты же пишешь для газеты эти, как их, «правила на все случаи жизни». Какое правило у тебя есть на этот счет?

Моя хорошая знакомая звонит в очень неподходящий момент: я лежу под «березкой», так в этой клинике процедурные сестры называют стойки для капельниц, и вынужден вести непринужденную беседу под бульканье животворящих растворов, прижимая мобильный телефон к уху свободной рукой.

Сына в армию забирают. Все правильно. Родину тоже надо кому-то защищать, не всем же парням пиво на детских площадках по вечерам «дуть» да девок по подъездам лапать.

С другой стороны, сын у матери – один-единственный, без пяти минут студент, да еще и с каким-то сложно выговариваемым заболеванием, которое все равно не позволит ему стать отличником боевой и политической подготовки. Только если в области чистки картофеля или подметания плаца в хоззвезде.

Интересно, а у моего соседа по кубрику Олежки Сидорова были братья и сестры? Нет, точно никого не было. Служить на флот парень ушел из глухой вятской деревни, где оставил на хозяйстве только мать да бабу. За два дня до принятия воинской присяги Сидоров умудрился попасть в госпиталь, где ему вырезали воспалившийся не вовремя аппендицит и направили в ту же часть хлеборезом, поскольку после операции ничего тяжелее булки хлеба Сидорову поднимать не полагалось.

На камбузе Сидоров недолго забавлял старослужащих своим неподражаемым окающим диалектом и живой демонстрацией рекламы «Херши-колы». Что, вы уже забыли этот ролик? Как же! Гениальная была реклама, скажу я вам. Страна замирала, когда под истошные крики «Сидоров!!!» мальчик прокатывался на коленях между рядами школьных парт, вздымая над головой полторашку «Колы» и выкрикивая что-то про вкус победы. Так вот наш Сидоров проезжал на коленях двенадцать метров. Кок лично с рулеткой замерял дистанцию. Но до дырок свои форменные брюки Сидоров протер не на камбузе, а в кабинете командира части, перед которым регулярно брякался, как перед иконой, и уговорил-таки нашего кэпа перевести его в боевую роту, где прыгал с парашютом и бегал марш-броски «с полной выкладкой» и плевать хотел на свой аппендикс и на все рекомендации врачей.

А сколько сыновей было у матери матроса Искандерова, которая приехала забирать своего сына из госпиталя, поскольку за время службы он попросту сошел с ума?

А что сказала мама Лешки Букина, который ушел на службу вполне здоровым парнем, а вернулся на родную Орловщину с диагнозом «белокровие»?

Да и сам-то я где заработал свой инфаркт миокарда? И до конца жизни теперь буду таскать этот крест на сердце, поправляя не на шутку пошатнувшееся на службе у Родины здоровье то в одной, то в другой клинике.

Да что там о здоровье говорить! Сколько моих ровесников, получивших повестку из военкомата весной 1994 года, так никогда и не вернулись домой. Наверняка никто из них не посылал маму в военкомат, чтобы она узнала там все поподробнее на предмет зачем вызывают, не спрашивал никаких умных советов, как откосить от службы, не прятался под кроватью от каждого шороха за дверью, желая прожить на нелегальном положении до 27 лет, а собрал бельишко, продуктов на три дня и, отмахиваясь от беспрестанно рыдающей матери, отправился в райвоенкомат навстречу все новым и новым неприятностям.

Почему? Наверное, потому что он стал достаточно взрослым, чтобы принимать серьезные решения. Еще потому, что он не студент, и не аспирант, и не «единственный кормилец», и вообще не имеет ни одного законного предлога, чтобы избежать выполнения своего почет-

ного долга. И еще потому, что попросту не хочет и не умеет убежать. Ни от повестки из военкомата, ни от хулиганов из подворотни, ни с места дорожно-транспортного происшествия (не приведи Господь), ни от забеременевшей не вовремя девушки (они когда-нибудь вовремя беременеют вообще?).

Мальчики становятся мужчинами не после того, как начинают пить водочку, покуривать и таскать вещи из гардероба своих папаш. А в тот момент, когда перестают убежать от опасности, им становится невыносима сама мысль о том, что они могут от кого-то убежать, кого-то бояться и от кого-то прятаться. Хотя бы потому, что это стыдно – раз. И глупо – два. Прежде чем бежать сломя голову, надо хотя бы посмотреть внимательно в глаза своему страху.

Например, я просто уверен, что у вашего районного «страха» глаза довольно маленькие и красные от недосыпа и табачного дыма, и повестку он вам прислал не для того, чтобы отправить на охрану российско-китайской границы, а вообще случайно, потому что и сам этот военкомат появился по ошибке и вообще все и всегда здесь кверху дном!

– Иди, студент, к себе домой, – скажет майор, встретив нашего незадачливого призывника. – Учи название своей непроносимой болезни, а также все остальное прочее, что по программе полагается. А когда вернешься после окончания университета, мы придумаем, что с тобой делать...

И вернется после этой беседы наш студент до хаты, успокоит мать и попросит больше никогда не вмешиваться в его дела. И больше никто даже в мыслях не посмеет назвать его «подъюбочником», «маменькиным сынком» или расписаться за получение его личной, сугубо мужской корреспонденции.

ЖИЛИН И КОСТЫЛИН

Осень наступила! И на флоте появились ее самые ранние вестники – юные, хрустящие, как новенькие десятирублевые купюры, лейтенанты всех родов войск.

Поскольку в России нет таких военных академий, которые выпускали бы готовых боевых пловцов, в Парусное поступают сначала полуфабрикаты, над которыми предстоит работать и работать.

У юных офицеров нет ни малейшего представления о том, с чем им предстоит столкнуться на новом месте службы. Но зато гонору у этих «летех» хоть отбавляй. И как его выколочивать – непонятно. Это ж вам не матросики. Это их благородия офицеры Российской армии и флота (хочется в сердцах добавить в конце предложения матерное слово). Их просто так на землю не положишь и по-пластунски ползать не заставишь, чтобы они себе пузики до дырок протерли и поняли, в какое дерьмо им предстоит окунуться.

Чтобы выучить жизни одного такого желторотого офицера, чтобы выбить из его головы всякую романтическую чушь с песнями и фильмами про войну, надо сильно поработать всем старослужащим. От командира части до матроса-сверхсрочника. Иногда и это не помогает, и, чтобы влить хоть немного ума в эти дубовые головы, приходится ставить раком весь Дважды Краснознаменный Балтийский флот. Да что там флот! Все Вооруженные силы России приходится нагибать!

Рассказываю. Отправил как-то командир двух свежееперившихся летех Жилина и Костылина на первые самостоятельные учения. И бойцов им дал десять человек, чтобы не скучно было. И рацию им дали, и радиста, и оружия, сколько попросили. Чтоб все по-взрослому, по-рейнджерски было.

Летехам строго-настроено приказали побродить денек по квадрату №4, никуда из него не выходить, а вечером вернуться в часть.

Товарищи офицеры сильно обрадовались такому доверию со стороны командования, сыграли пионерскую зорьку, навешали на себя пулеметы, гранатометы и черт те знает что, нацепили маскхалаты и даже морды свои разукрасили, как в американских фильмах показывают. И маски камуфлированные сверху надели на все подразделение, чтоб круче было. И пошли они в четвертый квадрат. А по дороге заблудились.

Что делать? Как дорогу искать? Карта, конечно, имеется и компас. На карте написаны названия городов, деревень и поселков. Но вот сличить эти названия не с чем. Наши деревни и поселки легко обходятся без табличек с глупыми топонимами, а на проселочных дорогах знаки с названиями населенных пунктов исчезли еще в 1945 году.

И вот стоишь ты, сирота сиротой, на лесной опушке, смотришь в карту, смотришь на безымянную деревушку в три дома и думаешь: «И какого хера я не попал служить в ракетные войска? Беготни никакой, и координаты противника всегда знаешь!».

Вот и Жилин с Костылиным почесали свои тыковки, подумали и решили дорогу спросить у местных жителей.

Надо вам сказать, что разведчикам категорически запрещено вступать в контакт и даже показываться на глаза нормальным людям как на войне, так и в мирное время. Посему упаси вас Боже повстречать на своем пути диверсантов. Даже своих, российских, «родненьких». По нашей инструкции для вас это должно кончиться плохо или очень плохо.

То ли Жилин с Костылиным прогуляли занятие, на котором им эту инструкцию должны были довести, то ли еще какие-то соображения у них появились. А только вышли эти два известных героя на проселок и остановили подростка на велосипеде.

Представьте себе эту картину маслом: два здоровенных, вооруженных до зубов мужика в масках и без знаков различия, за спинами которых в перелеске расположилась на отдых

целая банда таких же страшных и вооруженных людей, останавливают мальчишку и говорят ему с угрожающей интонацией, как это принято в крутых голливудских фильмах:

– А скажи нам, мальчик, как называется в-о-о-о-н та деревенька? – и тыкают пальцем в сторону населенного пункта, который мальчонка считает единственной своей родиной.

– Пу-у-у-пурловка, – отвечает мальчик и писается с перепугу в штаны.

– Ну хорошо, мальчик, – говорят ему вооруженные дядьки, – раз ты нам правду говоришь, мы тебя отпускаем. **НО НЕ ВЗДУМАЙ ХОТЬ КОМУ-НИБУДЬ ПРОГОВОРИТЬСЯ О ТОМ, ЧТО ТЫ НАС ВИДЕЛ! ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ ТЕБЯ ДОСТАНЕМ!!! ТЫ ПОНЯЛ?!**

Мальчик говорит, что все понял, бросает велосипед, бежит в деревню и немедленно сообщает маме с папой, что видел в лесу вооруженных террористов, которые говорят с акцентом и готовятся напасть на важнейший стратегический пункт Пупырловка.

Мама с папой опрометью бегут в сельсовет и звонят в райотдел милиции, чтобы сообщить о террористической угрозе. При этом не забывают приукрасить историю сынули настолько, что дежурный ОВД мгновенно поднимает тревогу и звонит дежурному Управления внутренних дел области. **ОБЩАЯ ТРЕВОГА! ОБЩАЯ ТРЕВОГА! НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ОБНАРУЖЕНА ВООРУЖЕННАЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ГРУППИРОВКА ЧИСЛЕННОСТЬЮ 50 ЧЕЛОВЕК. НЕМЕДЛЕННО ПРИНЯТЬ ВСЕ МЕРЫ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ТЕРРОРИСТОВ! УНИЧТОЖИТЬ ТЕРРОРИСТОВ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ! В ПЛЕН НЕ БРАТЬ! В ПЕРЕГОВОРЫ НЕ ВСТУПАТЬ!**

Начальник УВД немедленно ставит в известность начальника УФСБ и командующего Балтийским флотом, а те ставят на уши Генеральный штаб и Верховного главнокомандующего.

Через час после встречи наших лейтенантов с мальчиком, имя которого для истории навсегда утеряно, в искомый квадрат уже летели вертолеты, мчались БТРы морской пехоты, тентованные «уралы» с пограничниками и автобусы с ОМОНОм. А квадрат, между прочим, был девятым. И по данным оперативного дежурного флота никаких наших подразделений в этом квадрате в этот тихий и солнечный осенний день не было. Потому что по плану учения проходили в квадрате номер четыре.

И в самый критический момент всей нашей истории, когда над девятым квадратом и над головами ничего не подозревающих офицеров и матросов Балтийского флота нависла смертельная угроза, Жилину и Костылину пришла в голову идея поиграть с радиостанцией. Выйти типа на связь со штабом, сказать че-нить в ларингофон. Сказано – сделано. Вышли на связь и сообщили кому надо, что немного заблудились и бродят вокруг Пупырловки. Но это ничего страшного, потому что они уже сориентировались и сейчас пойдут в нужный квадрат.

– **ВСЕМ СТОП!** – заорал наш дежурный в телефонную трубку.

– **СТОП! НАЗАД! НЕ СТРЕЛЯТЬ!** – заорал оперативный дежурный флота.

– **АХ ВЫ, СУКИ!** – воскликнули омовцы, фээсбэшники, погранцы и прочие простые и решительные парни, которые уже мысленно примеряли на себя ордена и медали за боевые заслуги.

И только Верховный главнокомандующий ничего не сказал. Он в очередной раз поправлял здоровье и ничего членораздельного в этот момент произнести не мог.

А Жилина с Костылиным было жалко. После возвращения в часть их так трахнули, что мальчишки еще две недели в раскоряку ходили, учили инструкции и публично зарекались в войнушку играть.

КОРТИК

Из Балтийского госпиталя, куда 26 апреля 1996 года меня приволокли на носилках с инфарктом миокарда, я убежал два раза.

Первый – через неделю после госпитализации. Берегом моря и перелесками обошел КПП, выбрался на трассу Калининград – Балтийск, встал «андреевским крестом» на пути гражданского КамАЗа, вскарабкался в кабину к оторопевшему и растерявшемуся от моей наглости водителю и приказал ему ехать в часть. Шофер не осмелился возражать наголо обриту попутчику в госпитальной пижаме и шлепанцах на босу ногу. Вероятно, во взгляде у меня сохранилось еще что-то потустороннее, что я вынес с того света, поэтому водитель старался сидеть ко мне вполоборота, чтобы не выпускать из виду. На всякий случай.

Добравшись до места, я выпрыгнул из кабины грузовика у шлагбаума, спокойно прошел КПП (дежурный матрос не посмел остановить старослужащего) и прямо в чем был вломился в кабинет к командиру части.

Когда кэп увидел меня в пижаме и с горящим взором живого мертвеца, он чуть было в окно не кинулся. Но мигом взял себя в руки и спросил слабым голосом:

– Валера? Тебе чего? Ты как через посты прошел? Ты же под капельницей должен сейчас лежать.

– Товарищ командир! – услышал я собственный истеричный голос. – Я хочу служить в спецназе. Не разрешайте докторишкам меня комиссовать. Мне очень жаль, что я... наговорил вам лишнего. Я себя плохо чувствовал. Извините. Но сейчас все в полном порядке. Разрешите идти в расположение и продолжать службу?

Но командир не разрешил. Услышав «товарищ командир» и сообразив, что я не собираюсь его душить в припадке справедливого гнева, командир приказал отвезти меня обратно в госпиталь и приковать цепью к койке.

Цепью меня не приковали, но следить стали пристально, и второй раз убежать мне было уже сложнее.

А бежать надо было позарез. Приближалась пора сдавать госэкзамен. И я твердо был намерен разделаться с высшим образованием в текущем году.

Второй раз из госпиталя меня вывез школьный приятель, недавно получивший звездочки лейтенанта и ослепивший своей белоснежной улыбкой теток на КПП.

Я заскочил домой за формой (как контрактник, я носил такую же форму, что и офицеры-мичмана), потом заехал к сослуживцу Андрюхе Баринову – счастливому обладателю мичманских погон, кортика и огромного количества наград за безупречную службу.

И вот в таком виде – белая фуражка, туфли на каблуке, брюки-клевш, андрюхин китель с медалями, парашютными и водолазными значками, штатом «Спецназ ВМФ», с золотым кортиком на боку и совершенно пустой головой – я вступил в аудиторию, где заседала высокая государственная комиссия.

В одной руке фуражка, другая рука придерживает кортик, грудь колесом, «Разрешите взять билет», «Разрешите готовиться», «Разрешите отвечать» – и наши ученые дамы и не менее ученые джентльмены, мягко говоря, растаяли. Что и говорить, филфак – это не то место, где каждый день можно увидеть живого мужчину. Да еще и военного.

Билет я отвечал уважаемым профессорам Бобчинскому и Добчинскому.

Добчинский совершенно не слушал ту ахинею, которую я нес, отвечая на первый вопрос экзаменационного билета. Старичок как замороженный во все глаза смотрел на значки-швроны-погоны и выражением лица напоминал дошколенка, впервые увидевшего «дяденьку-моряка». Профессор дождался паузы в моей речи и немедленно спросил, за что мне дали вот этот значок. Ответ мой был четким, развернутым и содержал массу специальных слов, самыми

простыми и понятными из которых было словосочетание «диверсионная операция». Моя терминология понравилась Добчинскому больше, чем терминология Жирмундского и Колесова, а когда он прочитал на шевроне слово «спецназ», то вопросам, не относящимся к теме, не было конца.

Профессору Бобчинскому все-таки удалось сохранить каплю здравого рассудка. Он понял, что кроме этапов укладки парашюта я сейчас ничего рассказать не способен, поэтому профессор мягко остановил поток моего красноречия и тактично спросил:

– Скажите, а... кем вы сейчас работаете? То есть по какой профессии служите? В смысле, кто вы сейчас по должности?

– Заместитель командира группы специального назначения, – не моргнув глазом соврал я.

– А зачем вам диплом о высшем образовании?

– Чтобы стать командиром группы специального назначения, – на этот раз мне удалось сказать почти что правду.

– А вот это... специальное назначение, – замялся господин профессор, – как-нибудь связано с филологией?

– Никак нет!!! – последовал четкий ответ.

– Хорошо, – с видимым облегчением констатировал Бобчинский, – госэкзамен вы сдали. Можете идти, товарищ военный.

Вы спросите, а почему я в своем собственном парадном кителе на экзамен не пошел? В кителе с нашивками старшины первой статьи? А я вам отвечу: все дело в кортике! Старшинам он не положен, вот и пришлось стать мичманом на пару часов. А кортик мне нужен был до зарезу. Без этого ритуального украшения черта с два бы я экзамен сдал. Военная хитрость, елки.

Потом меня угораздило поступить в аспирантуру и, к ужасу Бобчинского, Добчинского и других милых и безобидных университетских профессоров, вернуться в родную альма-матер, чтобы преподавать... литературоведение. Потом пришлось получать юридический диплом, потом изучать экономику, политологию... Да всего и не перечислишь. Воистину, век живи – век учись. Но сдачу своего первого государственного экзамена я всегда вспоминаю как самую блестящую. Во всех смыслах этого слова.

ЖИТЬ ВЕЧНО

«Все равно мы все умрем, парни! Так что выше нос! Вам терять нечего! Правый борт, пошел!!!»

Этой «отеческой» тирадой наш командир роты по кличке Майор Пэйн провожал нас с борта АН-26 на встречу с Землей всякий раз, когда был «выпускающим».

Задача выпускающего офицера – контролировать процесс десантирования личного состава с борта самолета. Он один стоит спиной к рампе и не видит этой разверзшейся у наших ног бездны. Выпускающий всегда смотрит нам в глаза, и каждый раз его разбирает смех. Наверное, очень уж забавные у нас делаются физиономии, когда мы совершаем последний шаг в пустоту.

«Все равно мы все умрем». Голос командира, заглушающий рев самолетных двигателей и шум ветра, до сих пор стоит у меня в ушах. Неужели все-таки умрем? Майор Пэйн на личном примере попытался доказать правоту своих слов, когда банально умер от алкоголизма после того, как его комиссовали по ранению из боевого подразделения и перевели на штабную работу.

И все равно как-то не верится, что смерть придет. Как-то невозможно себя представить холодной, недвижимой и ко всему безразличной тушкой. Неправильно это, несправедливо.

Вот живет хороший парень, мой боевой товарищ, к которому в спецназе прилипла смешная кличка Барсук. И служит Барсук на «отлично», и смело лезет в огонь, воду, и в трубы торпедных аппаратов, и всегда улыбается. Все-то ему смешно и весело. А после того, как служба заканчивается, мы принимаемся за такой мирный, рутинный, казалось бы, труд, как развитие оптовой и розничной торговли, старшина спецназа по кличке Барсук 21 года от роду трагически погибает...

Разве мы могли знать – безбашенные дембеля – что торговать замороженным мясом – дело гораздо более опасное для жизни, чем прыжки с парашютом и прочий флотский экстрим.

Чтобы отправить все, что осталось от друга, на родину в Ленинградскую область, мне пришлось стать и гробовщиком, и жестянщиком, и санитаром в морге, потому что лето, жара, надо спешить, а людей, как всегда, не хватает. Но, даже прикасаясь к смерти, ощущая ее холод и лицемерия ее уродство, – я не хотел и не мог в нее поверить. Наверное, поэтому я до сих пор вижу Барсука на улицах своего города и только усилием воли не гонюсь за ним вслед, потому что точно знаю: опять обознался, опять мне почудилось. Все это миражи и привидения.

А вы знаете верный способ избавиться от привидений? Мой старшина Женька Буравлев, которому есть что в жизни забыть и которого его друзья своими посмертными появлениями достают гораздо чаще, поделился со мной опытом: «Если вдруг увидишь привидение, не вздумай от него шарахаться. Обязательно догони его, хлопни по плечу и поздоровайся по-приятельски. И больше оно не будет тебя доставать. Гарантирую...».

Да что там говорить о других. Даже когда сам падаешь навзничь после марш-броска, а, приходя в сознание, слышишь где-то высоко вверху голос медика: «Все, этот спекся! Обширный инфаркт миокарда!» – все равно не веришь, что «отпрыгался». Нет никакой смертной тоски, нет никаких тоннелей с потусторонним светом на том конце, ангелы не хлопают крыльями над твоей головой, вся жизнь не пробегает перед твоими глазами. И единственное, что ты чувствуешь, – это раздражение от бестолковых людей, которые суетятся, что-то кричат и не догадываются просто разойтись и дать доступ воздуху в твои разгоряченные многочасовой бегом легкой.

Вот и церковь успокаивает нас и предлагает поверить в бессмертие. Сам я истово «чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Хотя бы потому, что мне, живому и пока еще теплому, легче поверить в восстание из праха и последующее вечное порхание над райскими

кущами в сопровождении игры на арфе, чем примириться с холодом, темнотой, небытием. Аминь. Одно только озадачивает – почему бессмертие в этом случае приходит исключительно после смерти? В этом есть какой-то подвох, какая-то недосказанность. Зачем эти лишние переживания и хлопоты? Зачем эти венки и речи? Нет ли здесь какого-то надувательства? Если человек бессмертен, то пусть он будет бессмертен уже при жизни, а не когда-нибудь.

Философы по-своему успокаивают нас и призывают плодиться и размножаться, поскольку дети наши и есть залог бессмертной жизни родителей. Эта теория очень мила, но как бы ни был мой ребенок на меня похож, он – не я. И как бы мы ни старались воспитывать своих детей по своему образу и подобию, они будут другими, не такими, как мы.

Художники, писатели, зодчие, амбициозные политики пытаются остаться в памяти потомков и тем самым обрести жизнь вечную. Бронза, гранит, холст и книжный переплет – тот еще вариант вечной жизни. А вот сам подход к решению этого вопроса – уже интересный, деятельный. Если время нельзя остановить или заставить идти вспять, то его можно... растянуть.

Для каждого из нас время имеет разную ценность, разную степень глубины. Чем больше мы успеваем сделать, чем более важные события происходят в нашей жизни, тем острее, глубже ощущение каждого мгновения. Жизнь покажется для каждого из нас бесконечно долгой, если будет полна замечательными событиями и мы будем измерять ее поступками, а не временем.

Почему для нас, когда мы были детьми, время тянулось бесконечно долго? Потому что каждый прожитый час открывал нечто неизведанное, любопытное. Память отмечала все новые факты, и это порождало ощущение медленного хода времени.

Мы сегодняшние – не успеваем считать недели, потому что быт наш и привычки устоялись, и каждый новый день похож на предыдущий как две капли воды. А значит, и памяти нашей не за что зацепиться, так что время ускоряет свой бег. И чем скучнее наша жизнь, чем меньше в ней ярких переживаний, тем она короче.

Чтобы стать бессмертным, нужно жить так, чтобы день ощущался, как год, а год – как жизнь. Путешествовать, менять работу, творить, любить, растить детей, рисковать, искать себя, добиваться большего, снова рисковать, не избегать трудностей, наслаждаться каждым мгновением.

И ничего не бояться. Потому что это и есть единственный способ жить вечно.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

Вертолет, слава Богу, не прилетел. Снежный буран поднялся как раз под вечер, когда по плану «А» нас должны были десантировать в тыл условного противника. Почему-то на флоте все важные мероприятия приурочены к праздникам, и я не припомню ни одного случая, чтобы мы встретили какое-нибудь торжество за столом, как все нормальные люди. Только бегом, только ползком, только в постоянном бестолковом движении проходят наши «дни соглашения и примирения», «дни победы», «праздники весны и труда» и «рождественские каникулы». Кто это придумал, что все наши праздники должны быть обязательно спортивными, а отдых – непременно активным? В глаза бы посмотреть этому человеку.

Понятно, что кэп (командир части) нашел выход из положения, и нас выбросили с борта летящего на всех парах по снежной целине «КамАЗа».

Машина летит как на крыльях! Ветер! Снег! Надсадный рев двигателя! Разбегаемся, отталкиваемся посильнее, короткий полет – и ощутимый удар о стылую землю. Красота! Романтика!

Больше всего «повезло» тринадцатому подразделению под командованием Ижевского. Офицера наконец-то повысили в должности и звании, и он из кожи вон лез, чтобы доказать кэпу свою лояльность и профпригодность на посту командира роты. Лояльность заключалась в том, чтобы замучить моряков каким-нибудь совершенно невиданным способом. Поэтому тринадцатое подразделение десантировалось на лыжах. Лыжи в Прибалтике... Пытка была зачтена. Это даже круче, чем «стометровка по песку». Наши ветераны-афганцы частенько рассказывали небылицы о том, что во время той войны у противников было нормой «гуманно» относиться к военнопленным. К примеру, было принято попросту отпускать пленного воина на свободу, предварительно закрепив на его шее снаряженную тротильную пашку. Огнепроводный шнур поджигался, и несчастному показывали знаками, что если он успеет добежать до арыка и нырнуть в воду, то огонек на конце шнура погаснет, и заряд не взорвется. Руки на спине пленного крепко связывались, чтобы он не мог избавиться от «ошейника», поэтому приходилось бежать очень быстро. Возможно, какой-нибудь бедолага и догадывался, что огнепроводный шнур воды не боится, но времени на размышления у него не оставалось. Поэтому сразу же за безумной стометровкой по песку и за радостным вскриком пленного, ныряющего в воду, раздавался взрыв, и голова несчастного взмывала в небо, дабы ее хозяин в последний раз хорошенько взглянул на скалы и песок, за которые он пролил всю кровь до капли.

После десантирования парни на лыжах, проклиная день своего рождения и искренне завидуя всем мертвым ветеранам афганской войны вместе взятым, а также все остальные разведгруппы ринулись выполнять учебную задачу.

Наша цель – колонна военной техники, перевозящая боеприпасы и живую силу противника. Мы должны колонну обстрелять, захватить в плен офицера-посредника и образцово его допросить.

Время и место прохода колонны нам должны сообщить из Центра, но там что-то стряслось, и в течение двух суток нам шлют такие радиogramмы, что наш командир группы только матерится в голос и головой мотает от удивления. Наконец, Центр добился того, чего не хотел. Батарея радиостанции разрядилась. На связь мы не можем выйти, задачу выполнить не в состоянии. Моряки растеряны, и мне, как старослужащему, приходится немного пошевеливаться, чтобы постоянно их «бодрить». Особенно бесит меня «бойчина» по кличке Лось. Он такой огромный, что мне приходится высоко подпрыгивать всякий раз, когда я хочу врезать ему в лоб!

Первую ночь проводим так, как написано в учебниках: сооружаем базу в снегу, выставаем боевое охранение, разогреваем пищу над крохотными таблетками сухого спирта и отчаянно мерзнем.

На вторую ночь забираемся поглубже в лес, разжигаем маленький костерок и греемся возле него по очереди, чувствуя себя на вершине блаженства.

На вторые сутки наш командир устал материться, собрал группу и заявил, что не будет больше ничего ждать, а пойдет на трассу и захватит любую колонну, которая ему понравится. Это было круто! Особенно нам захотелось, чтобы командиру группы понравился туристический автобус с немцами.

Мы немедленно выдвинулись в сторону федеральной трассы и приготовились к захвату. Минут через сорок сидения с головой в снегу я услышал сигнал к атаке и как черт из табакерки выскочил из-под снега. Моей задачей было отсечь противника от головной машины, и я исправно поливал холостыми «уазик», из которого попытался выпрыгнуть... наш командир части. Увидев пламя огня и дыма, направленное ему в морду, кэп немедленно дал заднего и залег на своем командирском сиденье. Такого поворота событий и я не ожидал. К командиру части всегда относился несколько критически, но чтобы вот так запросто «калаш» в него разрядить... Это был перебор.

Скосив глаза, я как в кошмарном сне увидел, что головной машиной этой колонны оказался наш штабной ВМ. В тот самый момент, когда мой командир группы выдернул из кабины и принялся «рихтовать» одного из старших офицеров, еще один разведчик по кличке Барри открывал дверь ВМа и швырял вовнутрь теплого кунга связку взрывпакетов. Навстречу снегу и свежему воздуху из машины посыпались офицеры штаба.

Остановились мы только тогда, когда боеприпасы закончились, а кое-кто из штабных получил по почкам и по прочему ливеру. Мы совершили налет на командирский «уазик», штабную машину и машину сопровождения. Эти крысы тыловые катались и проверяли, как идут учения. И по ходу искали одного моряка, который на лыжах укатился так далеко, что искать его пришлось всей части.

Моряк был бестолковый. Но терять его было нельзя. Из принципа. Нашел его лесник (как всегда) и с матюгами вернул моряка в лоно казармы. Лесник разорвался, что матрос за два часа пребывания в сторожке сожрал все сало и выпил весь спирт. Нашел чему удивляться. Вот же человек наивный. А если бы он вражеского спецназера приютил? Вообще бы жизни лишился. Несознательный таки у нас народ. Не хотят кормить свою армию и флот.

Нас всех немедленно наказали, найденного моряка наградили, а использовать на учениях лыжи категорически запретили. Что для всех стало самым желанным рождественским подарком.

Сколько лет прошло с тех пор, а я все еще свято верю, что самый лучший подарок к любому празднику для каждого мужчины – это вовсе не галстук и не пена для бритья. И даже не дурацкие запонки для рубашки. Настоящий подарок, это когда мужчину оставляют наконец-то в покое и дают возможность поваляться, посмотреть телевизор и ничего не делать хотя бы полдня в

ВАМ И НЕ СНИЛОСЬ

Часть готовится к очередному великому празднику. Ожидается прибытие невероятного количества высокопоставленных гостей, поэтому все работаем с риском сдохнуть от нервного истощения.

Сценарий празднования кэп писал лично. И чего только в этом сценарии нет! И рукопашный бой, и разбивание головами и руками бутылок и кирпичей, и водолазы, выпрыгивающие на пирс из-под воды и «снимающие» учебных часовых, и подводная лодка, всплывающая со дна озера (ее привозят с базы на платформе и опускают в озеро краном) и уничтожающая ракетную установку на берегу.

А еще в сценарии есть Нептун, который выходит из воды, а также черти, которые с жутким смехом в облаке дыма, объятые огнем, должны выпрыгивать прямо из-под земли. Чертей закапывают предварительно и закладывают пиротехнику, поэтому появление их на свет действительно эффектно! Черти вылетают с грохотом и дымом, покрытые слоем земли и пороховой копоти, почти контуженные.

Красиво!

Вот только смеются они, по мнению кэпа, неубедительно.

Их закапывают и подрывают еще и еще раз, но смех не тот. Не веселый смех, не заразительный. Кэп в ярости. Он лично проводит занятие с чертями и показывает, как именно должны смеяться наши балтийские черти. Он так убедителен, что начинаешь думать, откуда у кэпа такие познания? Не знаком ли он со слугителями ада лично?

Все напрасно. Моряки не могут угодить командиру, не справляются с ролью. Тогда кэп оглашает свое командирское решение:

– Будете сегодня смеяться до тех пор, пока не научитесь.

Шесть вечера. Семь. Десять... В казарме звучит команда дневального: «Отбой! Ночное освещение включить!».

Мы лежим в койках и слушаем, как на пирсе в наступающей темноте снова и снова слышатся взрывы сумасшедшего смеха.

На следующее утро черти достали где-то спирта и наклюкались, чтобы снять стресс. Их немедленно развезло на жару, и когда они появились перед глазами изумленных гостей, кэпу стало плохо. Черти выглядели натурально. Хриплый смех, смешанный с парами технического спирта, вырывался из уст матросов. Глаза бешено вращались, а прописанные кэпом реплики перемежались нецензурной бранью. Когда у чертей закончился подготовленный текст, они начали импровизировать. Навалились толпой, скрутили и сбросили с пирса Нептуна со всей его немногочисленной свитой. А потом взялись за зрителей.

Я не знаю, как кэп отбил от парней и спас гостей-адмиралов и их жен от купания в озере. Я этого не видел, потому что как раз и был Нептуном и пускал пузыри под пирсом, борясь с накладной бородой и прочей амуницией. С главной концертной площадки раздавался только дьявольский смех, женский визг и вопли командира...

В конце концов моряков повязали, а когда парни протрезвели, их перевели из нашей части в морскую пехоту.

Это был самый незабываемый праздник в моей жизни. А что является праздником для некоторых из вас, мои дорогие читатели, успешно избежавших службы в Вооруженных силах? Корпоративные посиделки под сухое вино и песни про «пусть бегут неуклюже» за сладким столом? Корректное веселье с оглядкой на умеренно выпивающее руководство и осторожные разговоры за жизнь, чтоб ни одного лишнего слова, ничего такого, за что будет мучительно больно уже в понедельник? И что это за словосочетание такое дурацкое «сладкий стол»? Какой изувер его придумал?

Вам не приходилось выпивать сладко спирт-ректификат, с трудом добытый матросами и разлитый под полой шинели? Из одного стакана на все подразделение.

Вы никогда не видели, как перепуганный дежурный по части пытается усмирить глубокой ночью взбунтовавшуюся и пьяную от своей собственной дерзости команду, не выдержавшую предпраздничных издевательств, истошными криками «Тревога» и пальбой из табельного оружия?

Вы на выбежали из теплой казармы на мороз 31 декабря в 00 часов для праздничного построения, посвященного наступлению Нового года, в только что выстиранной и мокрой еще робишке?

Вы никогда не видели поломанных или изувеченных сотнями других способов военных после так называемых показательных выступлений, которыми по праздникам у нас принято удивлять штабных офицеров и членов их семей?

А парады! Вы когда-нибудь принимали участие в торжественном прохождении по плацу «справа по ротно» с песнопениями под барабан?

Если вы всего этого не видели, почему же вы так уверены, что знаете, что такое праздник?

ГЕРОИЗМ ПРОДЛЕВАЕТ ЖИЗНЬ

- Сергеич, ты, что ль?
- О! Валера! Чуть было тебя не не узнал! Хорошо выглядишь.
- Да и тебе офицерская форма к лицу. Давно училище окончил?
- Прилично.
- Командир группы?
- Обижаешь, Валер. Я уже СПНШ-1.
- Ого! А давно ли в учебной роте вместе служили.
- Давно, Валера. Давно... А помнишь?
- Конечно, старик. Все помню.

Зима. Балтийский берег. Каждый день то подрывные, то стрельба, то гранаты метаем. Вчера, например, кэп лично занятия в учебной роте проводил и показывал, как надо кинуть эфку, чтобы она в воздухе рванула. Тогда сектор поражения в разы увеличивается, и спасти свою жизнь простым шмяканьем на брюхо врагу уже не удастся.

Кэп – красавец! Черная морпеховская форма, сапоги надраены до блеска (бесит он нас этими сапогами, до белого каления просто доводит!), в зубах сигареточка, в каждой руке по гранате Ф-1. Легким движением указательных пальцев кэп выдергивает оба колечка и отпускает прижимную скобу на гранате в правой руке. Раздается характерный «щелк», скоба отскакивает, кэп считает до двух – и граната улетает за бруствер, где после третьей секунды взрывается. В тот же момент кэп перебрасывает вторую гранату из левой руки в правую, и пока та летит, прижимная скоба опять-таки отлетает, и начинается отсчет: «Раз, два» – и вторая граната взрывается за бруствером. Кэп вынимает изо рта сигаретку, топчет ее носком сапога и по-отечески улыбается морякам. Ему нравится производить на нас впечатление.

На второй день занятие по метанию гранат проводят наш взводный старший лейтенант Ржевский и майор Лабанов. Оба офицера – крайние противоположности. Лабанов – интеллигент, умница, и совершенно непонятно, как он выживает в наших джунглях. Ржевский – хам, пьяница, драчун и матерщинник, но дело свое знает туго и заставляет себя уважать.

Офицеры просят забыть нас все, что кэп показывал вчера, и выполнять следующие инструкции:

1. Все подразделение должно укрыться в окопе.
2. Моряк, который выполняет упражнение, должен выдвинуться на рубеж, залечь в отдельном окопчике и изготовиться для броска гранаты под внимательным наблюдением обоих офицеров.
3. Получив гранату и услышав приказ «Огонь», моряк должен выдернуть кольцо и немедленно выбросить гранату за бруствер.
4. Если по какой-либо причине граната упала на дно окопчика, ее НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ ИСКАТЬ И ПЫТАТЬСЯ ВЫБРОСИТЬ! В ЭТОМ СЛУЧАЕ И МОРЯК, И РУКОВОДИТЕЛИ ЗАНЯТИЯ ДОЛЖНЫ НЕМЕДЛЕННО ВЫПРЫГНУТЬ ЗА БРУСТВЕР!

Четвертый пункт инструкции нам повторили раз шесть, пока не удостоверились, что мы все точно усвоили. Как только инструктаж окончился, в строй ворвался Сергеич и начал хватать всех за рукав и спрашивать: «Что тут говорили? Что тут сейчас будет? А?».

– Матрос! – опоздание моряка не осталось незамеченным. – Бегом ко мне! Ты чего, харя рябая, опаздываешь? – Ржевский делает страшное лицо. – Ты вообще слышал, что мы тут говорили?

– Нет, товарищ старший лейтенант, но я вчера был на занятии, которые товарищ полковник проводил, и все запомнил! – вяло оправдывается опоздавший.

- Ну давай, показывай, что ты запомнил.

И Сергеич в сопровождении офицеров полез в окопчик, а мы залегли в огромной канаве, которая служила нам укрытием от осколков.

Через пять секунд раздался взрыв гранаты и душераздирающий крик! Мы подскочили как ошпаренные, но крики не прекращались! Теперь вопили уже трое и слышались глухие звуки ударов. Мы кинулись к окопчику и увидели, как майор и старлей руками и ногами лупят обезумевшего от страха матроса.

Вечером Сергеич, растирая сопли по разбитой физиономии, рассказал, что там у них случилось.

Как только он получил в руки гранату и услышал команду, то немедленно вспомнил вчерашние экзерсисы кэпа с гранатой и решил повторить материал. Он выдернул колечко и разжал ладонь. Скоба отскочила с характерным звуком, и начался отсчет. Сергеич как зачарованный смотрел на гранату и не понял сразу, куда делись товарищи офицеры. Через две секунды граната полетела за бруствер, а «бомбист» присел на дно окопчика, чтобы переждать взрыв. Каково же было его изумление, когда он увидел отцов-командиров, которые с безумными выражениями на лицах шарили руками по дну окопчика и что-то искали. Как потом оказалось, услышав щелчок, товарищи офицеры решили, что Сергеич выронил гранату, и немедленно упали на четвереньки, чтобы найти «эфку», накрыть ее своим телом и спасти моряка. Когда они услышали далекий взрыв и поняли, что совершить подвиг и с честью погибнуть в этот день им не удастся, офицеры сильно огорчились. И Сергеич дорого заплатил за это огорчение.

И через два года Ржевский не забыл свой перепуг и, став его командиром роты, несколько лет подряд не подписывал парню рапорт на поступление в военное училище. Мази ходил по части мичманом и сильно жалел о том дне, когда он опоздал на инструктаж.

ТРОПА ШАРАПОВА

Занятия по минно-подрывной подготовке – мои любимые. Сегодня их проводит зам командира по боевой подготовке майор Зверев. В отличие от своего чмошника-тезки, описанного Александром Покровским в одноименном рассказе, наш Зверев – бич бичей и убийца убийц. Если окажетесь в нашей части, зайдите в штаб и на первом этаже обратите внимание на стенд со спортивными кубками и грамотами, полученными частью за свою сравнительно короткую историю. Найдите почетную грамоту, завоеванную Зверевым в гимнастических состязаниях, и посмотрите, сколько раз он выполнил упражнение «подъем-переворот» на перекладине. А то я запамятовал. То ли две тысячи повторений, то ли больше. Знаю точно, что на турнике он кувыркался четыре часа с небольшим без передышки. И это не шутки и не выдумки. Просто Зверев – железный чувак. Он и холода почти не чувствует. Мы уже дуба даем на заснеженном пляже, а он только в раж входит.

Для начала – психологическая подготовка. Берешь тротилловую шашку, снаряжаешь ее капсулом-детонатором с огнепроводным шнуром, поджигаешь это дело, осторожно кладешь на снег и отступаешь ровно на три шага назад. А потом смотришь заворуженно, как быстро бежит огонек по черной «веревочке» и ждешь взрыва. Отворачиваться и падать на земной шар нельзя. Зверев за этим следит зорко.

На взрыв надо смотреть широко открытыми глазами. Чтобы привыкнуть к огню и грохоту, чтобы не бояться тротила, чтобы понять, что при правильном обращении тротил безопасен. А вот если шашку песочком посыпать, то в лучшем случае без глаз останешься.

Вторая ступень обучения: Зверев снаряжает кило пластита и кладет его в центр круга, по периметру которого выстроились матросы. По команде мы поворачиваемся кругом, делаем пять шагов вперед и ложимся на снег ногами к центру взрыва. Этот «бум» посерьезнее будет. С земли нас подбрасывает на пару сантиметров. Смеемся. Здорово!

Потом учимся работать с электродетонаторами и детонационным шнуром, рассчитывать силу заряда, готовим заряды на скорость с помощью скотча и простого пакетика.

Занятие заканчивается общим зачетом. Каждый матрос должен подготовить заряд и правильно соединить его с остальными таким образом, чтобы одним детонатором взорвать сто метров балтийского пляжа. Эта огненная стометровка называется «тропа Хошимина». По словам Зверева, если колонна автомобилей или подразделение попадет на эту тропу, в живых там никого не останется.

Взрывается это сооружение с помощью детонатора нажимного принципа действия. Зверев показывает нам черную штучку, привести в действие которую можно, наступив на нее сапогом, наехав колесом или уронив чего-нибудь тяжелое. «Чего-нибудь тяжелое» сегодня – пустой ящик из-под взрывчатки.

Нас отводят метров за 300 от зарядов и прячут в песчаной балочке. На тропе остается лейтенант Шарапов, выпускник факультета разведки рязанского училища ВДВ. Шарапов подпирает один край ящика палочкой, к палочке привязывает длинный шнур, кладет детонатор под ящик и отползает в глубокий окоп. По команде Зверева Шарапов дергает веревку, ящик падает и... тишина. Детонатор не сработал. Выждав минуту, лейтенант бежит к ящику и повторяет всю операцию. Дерг! И опять осечка!

Вечереет. Холод начинает пробирать и Зверева, а ящик все падает и падает. Что делать? Не бросать же заминированный пляж? И смотреть на мучения Шарапова уже мочи нет.

Зверев принимает волевое и мужественное решение и орет Шарапову: «Руслан! Заколел бал ты уже! Взрывай все скорее! Заморозил всех».

После этих слов Шарапов делает следующее: он выдвигается непосредственно на смертельную тропу, ложится на живот, прикрывает левой рукой голову, а правой нажимает на детонатор!

Е-е-е-бысь!!! Со страшным грохотом в воздух поднимаются тонны песка, и весь пляж заволакивает черным дымом. Когда дым рассеивается, мы видим невредимого Шарапова, выбирающегося из-под груды песка и снега.

Зверев подводит нас к двадцати глубоким воронкам, которые отмечают места заложенных нами зарядов, и изрекает: «Теперь вы понимаете, что такое „тропа Хошимина“? Страшная вещь. Выжить на ней просто нереально!».

Шарапов ничего этого не слышит, он все еще отряхивает от песка и копоты свой камуфляж.

НЕ СПАТЬ!

– Спать! Вам хочется спать! Ваши веки наливаются тяжестью, глаза закрываются, закрываются, закрываются. Вы засыпаете глубоко-глубоко! Вы ничего не чувствуете и ни о чем не думаете. Вы слышите только мой голос. Только мой голос. Кроме моего голоса для вас ничего в мире не существует!

В деревенском клубе выступает настоящий гипнотизер. В зале – яблоку некуда упасть. Поселковые сидят буквально на плечах друг у друга, чтобы увидеть чудеса, творящиеся на сцене. Гипнотизер – низенький мужичок с черной бородой и густым голосом – полностью оправдывает надежды, возложенные на него жителями поселка Нивенское, и потрясает их воображение до самых основ.

Гипнотизер делает с нашими земляками все, что пожелает.

Вот он кладет Ваську Афанасьева на два обычных стула, причем Васька совершенно одеревенел, так что гипнотизер свободно сидит на нем, как на садовой скамейке. Потом он заставляет Ваську раздеться до трусов и изображать купание в реке и сбор грибов на лесной поляне.

Когда Васька окончательно выдыхается, гипнотизер вызывает на сцену сразу десять человек и начинает проделывать с ними кое-что похлеще. Наши поселковые изображают народных артистов, поют и пляшут, рвут цветы, гребут на веслах, «летают по небу», смеются безо всякой видимой причины, и все это на сцене, публично, но с такой непринужденностью, как будто им не впервой выступать перед огромной аудиторией.

В конце концов гипнотизер делает что-то такое с нашей старшекласницей и круглой отличницей Ладкой Гуляевой, что самая красивая девушка школы бросается ему на шею, обнимает, целует и называет мамой под потрясенное молчание мужской части аудитории. Гипнотизер торжествует. Мы завидуем ему черной завистью: перед каждым из нас открываются несомненные преимущества этой диковинной профессии. Но и этого гипнотизеру мало. Он объявляет, что сейчас загипнотизирует вообще всех!

– Все поднимите руки вверх! Сцепите пальцы рук в замок! Вы чувствуете, как ваши руки наливаются тяжестью! – бубнит в микрофон со сцены приезжий бородач. – Ваши руки становятся все тяжелее и тяжелее. Они наливаются теплом! Они становятся все горячее! Выше! Поднимите руки выше! Чувствуете? Вы чувствуете, что не можете разорвать переплетенные пальцы рук?

Зал чувствует. В зале начинается легкая паника, поскольку то здесь, то там сидят поселковые с круглыми от страха глазами и безуспешно пытаются высвободить собственные пальцы. Но гипнотизер не дремлет!

– Ничего не предпринимайте! Не пытайтесь освободиться самостоятельно! – звучит его зычный голос. – Вы сделаете себе только хуже. Выходите все на сцену, я вам сейчас помогу! Все, у кого заклинило пальцы, поднимайтесь ко мне.

Половина зала поднимается на ноги и покорно лезет на свет огней ramпы. Вот уже сцена наполнена заколдованными нивенцами до отказа, мой отец и брат стоят с потрясенным видом в рядах сомнамбул, а я все еще боюсь проверить, сработал на меня этот чертов гипноз или нет. Наконец, я опускаю руки на уровень глаз, осторожно пытаюсь развести их в стороны и – оп! Я на свободе! «Мы писали, мы писали, наши пальчики устали!» – делаю зарядку и победно смотрю на окружающих. Меня не загипнотизировали!

– А те, кого я не смог загипнотизировать, – пророкотал бородач, словно читая мои мысли, – пеняйте на себя. Если гипноз не действует, значит, вы сами виноваты! Сопровитесь. Не могу же я уговорить что-то сделать, если вы крутитесь на месте и повторяете про себя: «Не спать, не спать, не спать».

Шел 1985 год. Жизнь казалась монотонной и серой, как дождливое прибалтийское небо. Учеба – спорт, учеба – спорт. Из развлечений – только дискотека по выходным и телевизор с его двумя программами. Да еще концерты лилипутов, выступления гипнотизеров да инструкторов райкома ВЛКСМ, послушать которых собирались всем поселком, за неимением других развлечений.

Слава Богу, вскоре появился «Прожектор Перестройки», Гласность и Ускорение, благодаря которым наш комсомольский инструктор разочаровался в идеалах социализма, пере-квалифицировался в пономаря и научился звонить в колокола и петь псалмы. Вслед за ним потянулись прочие «новоинакомыслящие», которые прозрели и поняли, что их «всю жизнь обманывали», и принялись публично палить партбилеты, читать журнал «Слово» и ходить на демонстрации.

Самым большим впечатлением после многолюдных крестных ходов для меня стал Ельцин на БТР и защитники Белого дома на баррикадах. На третий день после бесславного провала ГКЧП даже в нашем захолустье появились значки «Защитник Белого дома» и нашлись люди, которые эти значки с гордостью носили.

Потом этот же Белый дом, который так недавно и самоотверженно защищали, расстреляли из танков, при этом нашлось невероятное количество сторонников крутых мер в политике, и эти сторонники размахивали флагами и говорили о свободе.

Не успели мы привыкнуть к свободе, как пришлось привыкать к «вертикали власти» и к той мысли, что без власти сильной и партии правильной – жить совершенно невозможно. И миллионам людей тут же срочно потребовалось выйти на улицу и громко прокричать об этом в каком-нибудь «Марше». Проявить, так сказать, свою гражданскую позицию.

А у меня все по-прежнему монотонно – работа, работа, работа. По выходным – телевизор, в котором показывают то крестные ходы, то многолюдные марши, то представительные заседания. А когда я смотрю на вздетые повыше и аплодирующие звонко ладони, мне все кажется, что пальцы делегатов вот-вот сейчас переплетутся, запутаются, и заклинит живой замок, и невозможно будет его разорвать.

И чтобы отогнать это наваждение, я потихоньку повторяю про себя: «Не спать, не спать, не спать»...

ДАВАЙ ПОКУРИМ

Нет ничего отвратительнее, чем целоваться с курящей девицей. Наверное, если облизывать пепельницу, ощущения будут такими же. С пепельницами не пробовал, скажу прямо, а эмансипированных девушек в моей жизни было достаточно, чтобы в конце концов задуматься над простым вопросом: «А если я и сам начну курить, может быть, неприятные ощущения от поцелуев станут не такими уж неприятными?».

Решив подороже продать свое здоровье, я отправился в специальный магазин на Ленпроспекте и купил себе трубку вишневого дерева с латунным фильтром, специальную металлическую ковырялку, которую впоследствии прозвал «гинекологом», и пакет ароматизированного табака «Клан».

Явившись на свидание к фонтану у памятника Шиллеру за час до назначенной встречи, я принялся «раскопегаривать» свою новую игрушку, не жалея своих молодых легких. Дым с запахом изюма и чернослива струился из меня, как из вулкана, и обволакивал незадачливого курильщика плотным облаком. Так что когда девица все же явилась на свидание, я оказался неспособен даже встать со скамейки. Меня рвало и «штормило», ноги мои стали ватными, а голова пустой и гулкой, как воздушный шар, и про поцелуй мне пришлось на время забыть.

Несмотря на этот явный провал, я не собирался сдаваться хотя бы потому, что за трубку с причиндалами были заплачены деньги, немалые для студента-очника. А кроме того, я заметил в глазах окружающих девиц пристальный интерес к моей новой манере самовыражения. Поэтому в комплект к курительным принадлежностям я купил фетровую шляпу марки «Старт», шерстяное пальто производства Советской швейной фабрики и принялся нещадно форсить.

Наловчившись курить трубку так, чтобы не вдыхать в себя дым, а просто пускать его в глаза собеседнику, я перестал терять ориентацию в пространстве после каждой выкуренной трубки, но с каждым разом мне хотелось затянуться все глубже и глубже... Через год я дымил, как заправский капитан дальнего плавания, во всю ширину моих легких. А на срочную службу я уходил с твердой уверенностью в том, что буду стоять на вахте у штурвала с трубкой в зубах, в бескозырке со звездой и пронзительно вглядываться в ночной мрак за стеклом иллюминатора.

– Эй, боец! А ты в курсе, что в нашей части салагам курить запрещено? – процедил сквозь редкие зубы огромный дембель.

Откуда же мне знать? В книжках про дедовщину на службе почти ничего внятного не написано. А кроме того, в каждой части, на каждом корабле у старослужащих существуют свои собственные взгляды на поведение новобранцев.

– Ты же хочешь стать водолазом? Вот и береги легкие смолоду. А чтобы тебе неповадно было, мы тебя щас накажем. Закуривай!

Из всех экзотических издевательств над бойцами в нашей части борьба с курением была самой изуверской. Матросу предлагали закурить сигарету, а потом заставляли его отжиматься от брусьев до тех пор, пока он эту сигарету не выкурит. Мне, как вы понимаете, пришлось упражняться с трубкой в зубах. Это был второй раз, когда я терял сознание от передозировки никотина.

Этого урока мне хватило года на два. Но как только я оказался за воротами части, немедленно обменял наградные водолазные часы на вересковую трубку и жестянку первого класса пресованного табачка.

И преспокойно курил еще пять лет, не обращая никакого внимания на «хрипунец», желтые зубы и ногти, перепачканную табачным пеплом одежду, приступы мучительного кашля после каждой выкуренной дозы табака.

Вот только трубки у меня время от времени терялись. А вы знаете, сколько стоит хорошая пенковая или вересковая трубка? А приличный табак? А кожаный кисет с отделениями для ершиков, сменных угольных фильтров и специальных прибабасов? Не знаете? А то, что заядлому курильщику нужна целая коллекция трубок, тоже не знали? Курительные трубки, в отличие от нашего организма, отдыхать должны от огня и дыма. Вот так-то.

Потеряв в такси очередной кисет с трубкой, когда спешил на встречу с друзьями в кафешку на проспекте Мира, а это случилось в юбилейный, десятый, год моей трогательной дружбы с никотином, я вооружился блокнотом, калькулятором и вспомнил все свои потерянные трубки.

Странное дело. Я давно позабыл, как выглядела та девушка, из-за которой я начал дымить, но каждую свою трубочку я помнил «в лицо». И, конечно же, помнил, во сколько она мне обошлась.

Результаты этих вычислений меня просто ошеломили! Если бы все эти деньги, которые я в буквальном смысле этого слова пустил на ветер, можно было бы вернуть, этой суммы мне хватило бы на поездку в Кейптаун и на участие в сафари, о котором я грезил всю свою несознательную жизнь.

Не страх заработать рак легких, не постоянные замечания родных и близких по поводу исходящей от меня угрозы экологической безопасности для всей страны и не тот геноцид, которому повсеместно подвергаются все курильщики, вынужденные тайно «смолить» в вонючих туалетах общественных учреждений, холодных тамбурах поездов и специальных резервациях для курильщиков в аэропортах всего мира, заставили меня бросить курить. А элементарная жадность.

Мне до слез стало обидно за то, что из-за какой-то эмансипированной и позабытой давным-давно девицы с вонючей сигаретиной в зубах я, может быть, никогда не прогуляюсь по пустыне Калахари и не смогу убедиться на собственном опыте, действительно ли эти африканские львы такие свирепые, как о них говорят.

Потеряв последнюю свою трубку, я навсегда бросил курить. И принялся копить деньги на сафари.

И пусть на привале возле походного костра, сложенного темнокожими проводниками в самом сердце африканской пустыни, когда, прихлебывая горячий черный чай с коньяком и вслушиваясь в незнакомые, грозные, но совершенно завораживающие голоса дикой природы, я буду тосковать по терпкому и пьянящему запаху табачного дыма, я это как-нибудь переживу.

Потому что за все в жизни нам приходится чем-то платить.

И потому что счастье никогда не бывает полным.

БЕРЕГИТЕ МАТЬ ВАШУ

К десяти утра в крохотном вестибюле парадного подъезда дома №15, что по улице Поварской, не протолкнуться. Сюда, в Москву, в Верховный суд Российской Федерации, со всей страны едут люди в поисках правды. Здесь толпятся и наглые лощеные столичные адвокаты, громко орущие в телефон и препирающиеся с охранником, и робкие провинциальные юристы, пугающиеся каждого скрипа, а вот и сами истцы и ответчики, или «стороны», как они сами привыкли называть себя в ходе бесконечных судебных тяжб, – ничего не соображающие, целиком и полностью доверившиеся своим хитроумным представителям.

Вестибюль отгорожен от громадного пятиэтажного и совершенно пустого атриума, где могла бы свободно расположиться на привал рота морской пехоты, рамкой металлоискателя, двумя полированными столами и старшим лейтенантом милиции с автоматом под мышкой. Когда до первого судебного заседания остается пятнадцать минут, в вестибюле начинается легкое волнение, но милиционер красноречиво берется за автоматный ремень и поясняет, что лично он никого не пропустит, потому что «за вами скоро спустится кто надо, и вас отведут куда положено».

В ожидании «кого надо» народ топчется на месте, и только сухонькая монашка в черных одеждах сохраняет спокойствие. Она расположилась на деревянной скамье в самом темном углу прихожей и, беззвучно шевеля губами, читает огромный ветхий Псалтырь.

За десять минут до начала заседания в вестибюле начинается уборка. Откуда-то появляется специально обученная женщина и, расталкивая посетителей, начинает возить мокрой тряпкой по полу, невнятно бормоча себе под нос обязательные для каждой русской полomoйки заклинания: «Ходят тут, ходят, а ты убирай за ними целый день».

В девять пятьдесят пять появляется девушка, которая явно зарывает свой талант фото-модели на должности судебного секретаря, и разводит посетителей по местам. Ровно в десять звучит команда «Встать, суд идет!», после которой в помещение вливаются реально верховные судьи.

Да, такими я их себе и представлял. Особенно мне понравился председательствующий – седенький старичок с внимательными умными глазами. Судья по возрасту, он должен помнить еще адвоката Плевако, наверное. Судья немедленно приступил к рассмотрению дела, которое мы уже проиграли в Калининградском областном суде и теперь обжалуем в суде Верховном. Суть дела проста: в 2003 году в Калининграде был создан экологический благотворительный фонд, призванный решать вопросы, связанные охраной окружающей среды. Да, видно, не судьба ему была эти вопросы дорешать, поскольку государственный регистрирующий орган вдруг решил от этого фонда избавиться и подал иск в суд с требованием ликвидировать эту организацию экологов «за многочисленные и грубые нарушения закона». В Москву мы, собственно, приехали, чтобы понять, наконец, в чем заключались грубость и многочисленность этих «нарушений», поскольку от областного суда внятного ответа мы не добились, а любопытство наше было уже возбуждено до последней крайности. Судья зачитал материалы дела и попросил нас высказываться покороче и тезисно, потому что времени на рассмотрение дела в кассации отводится очень мало.

Пока мой представитель читал по бумажке приготовленную речь, я думал, с чего же начать свое выступление? Может быть, рассказать этому старичку с умными глазами о том, как в 2003 году мне позвонил приятель-пиарщик, на тот момент возглавлявший целый департамент в одной крупной организации, способной принести экологии региона вред больший, чем Вторая мировая война, и предложил возглавить отделение партии «Зеленые»? Как сказал приятель: «Первый председатель „Зеленых“ сбежал из области, второй умер, третьего посадили, четвертый под следствием, а пятым никто становиться не хочет. Может быть, ты рискнешь?».

Я рискнул и через пять месяцев пошел на выборы в Государственную Думу по «зеленым» спискам, вдвое увеличив численность калининградской партийной ячейки и зарегистрировав по ходу еще пять общественных организаций «прозеленого» толка. А еще через год был вынужден уйти из общероссийской экологической партии, поскольку то, чем занималась эта организация, ничего общего с охраной окружающей среды не имело.

Надо обязательно рассказать суду о том, что мне пришлось создать свой, калининградский экологический фонд, который не зависел бы ни от московских политиков, ни от местных бизнесменов, а потому одним своим существованием одинаково раздражающий и тех, и других.

Может быть, рассказать судье, что в Калининградской области, как нигде в России, требуется приложить силы неангажированным специалистам-экологам, поскольку область наша постепенно превращается в экологическую бомбу замедленного действия под боком Европейского союза. И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы это понимать. Достаточно прокатиться по шоссе в сторону Балтийска и почувствовать ароматы, исходящие от открытого канализационного канала. Или прогуляться по пляжу в районе поселка Куликово, чтобы ощутить себя королем помойки.

Может быть, сказать судье о том, что в нашей области слова «эколог» и «придурок» стали почти синонимами и никто не желает серьезно воспринимать человека, который после своей основной работы еще носится и бесплатно решает «глобальные вопросы» охраны окружающей среды. А когда я вербую в свою экологическую «веру» новых сторонников, то на уговоры поддаются только мои друзья-однополчане – ветераны спецназа, и то из-за уважения к Валерику и еще потому, что «зеленые – не голубые», так что «записывай нас в свою организацию, черт с тобой».

Однако ничего этого сказать мне не пришлось. После выступления нашего юриста вообще ничего не нужно было говорить, поскольку ее доклад, переполненный юридической терминологией и ссылками на статьи, произвел на верховных судей неизгладимое впечатление. Кто бы из них мог подумать, что юристка в красной блузочке, синенькой юбочке с внешностью девушки-ромашки, прилетевшая в Москву на этот процесс исключительно из-за любви к флоре и фауне, поскольку денег мы наскребли только на дорогу, окажется профессионалом такого высокого уровня.

Судьи удалились в совещательную комнату сильно озадаченные и очень долго решали нашу судьбу. С одной стороны – маленький общественный фонд, который занимается этой, как ее? А, да, экологией. С другой стороны – государственный орган, требующий этот фонд закрыть.

А вот и «Встать, суд идет!».

«Езжайте в свой Калининград и охраняйте дальше свою экологию, – сказали нам верховные судьи. – Никаких нарушений закона в ваших действиях нам обнаружить не удалось. По крайней мере, пока. Так что летите, скатертью дорога».

Мы и полетели домой. Чтобы чистить пляжи, ругаться с чиновниками, сажать деревья и по мере сил охранять природу – мать нашу. И при этом чтить не только Уголовный, но и Гражданский, и прочие другие кодексы, потому что дело наше правое и мы рано или поздно победим или вымрем, как мамонты.

Да, кстати, друзья мои, сделайте мне одолжение. Когда дочитаете эту книгу до конца, не выбрасывайте ее на помойку, а сдайте в макулатуру. Спасите дерево. Очень вас прошу.

УПРАВЛЯТЬ СТРАНОЙ

На сцене популярный писатель-юморист читает свой очередной шедевр, прерываемый взрывами гомерического хохота:

– Ну конечно, конечно. В жизни каждой семьи есть разделение труда. Жена должна думать о том, как прожить на одну зарплату, где занять денег и чем накормить семью, а мужчина должен решать проблемы государственной важности. Например, мужчина должен решать, кто будет нашим следующим президентом!

Юморист корчит смешную рожицу, и зал взрывается от хохота! Как смешно, как весело! Мужчина (ха-ха-ха) должен (ха-ха-ха) решать (ха-ха-ха), кто будет следующим президентом России (все валятся от смеха на пол и молотят ногами). Ну насмешил! Это ж надо было такое выдумать! Мужчина – и такие вопросы! Смешно.

Смешно – не то слово. По стране прокатились очередные выборы и насмешили всех до икоты. Явка избирателей просто потрясает. Весь мир облетело известие о том, что в городе Кургане к избирательной урне добрался только сам кандидат и его приятель, и этого оказалось вполне достаточно для победы!

Что завтра? Кандидаты будут голосовать только за себя любимых? И при этом изображать из себя представительный и законодательный органы власти в одном лице?

Мы, мужчины, презрительно кривимся при одном только слове «выборы». Фу, гадость какая! Искусственно созданные партии, нечистоплотные политтехнологи и грязные технологии, велеречивые кандидаты с бегающими глазками и потными ладонями – видели, слышали, знаем. Не верим и не желаем даже смотреть в эту сторону.

Мы не принимаем участия выборах, точно так же, как не желаем прыгать в мешке на детском празднике и распространять таблетки для похудения. Потому что считаем это занятие глупым и недостойным мужчины.

Да, мы все знаем. И про то, как наверху делают деньги на выборах, и как скупают голоса, и как гонят голосовать так называемых социально незащищенных граждан. Мы все видим и понимаем. Мы не хотим стоять в одной очереди к кабинке для голосования с маргиналами, которые продали свое право голоса за пару бутылок пива. Этот лохотрон с бубенцами не для нас.

В нашем сознании четко работает система отсеивания информации, адресованной другой аудитории. И эта система никогда нас не подводит и совершенно верно оповещает о том, что все эти предвыборные песни и пляски адресованы убогому, доверчивому, пассивному неудачнику, которому ловкие деятели пытаются подешевке сбегать залежалый полтиттовар.

Дело дошло до того, что политтехнологи перестали нанимать для своих подопечных имиджмейкеров – специалистов по стилю и декламации, чтобы исправлять кандидатам дефекты дикции и хоть как-то менять им образ. В лучшую сторону. Зачем такие усилия и затраты? Кандидату больше не надо стараться выглядеть чище, умнее, успешнее. Пусть кандидат идет в народ в своем засаленном пиджаке и с золотыми фиксами. Ничего, так будет органичнее, ближе к народу, так будет лучше. А что? «Пипл хавает» – и ладно!

Да, наши глаза и уши нас не обманывают, вот только выводы из полученного опыта мы делаем совершенно ложные.

Отдавая на откуп все высшие выборные посты в государстве теткам с авоськами и синюшным небритым дядькам с перегаром и в вытянутых трениках, мы не делаем хуже «черным пиарщикам» и «политиканам». Устраняясь от процедуры голосования, мы делаем им только лучше. Скажите, откуда берутся скандалы о «мертвых душах» и приписках на избирательных участках? Мертвые души – это мы с вами, мужики. Наше отсутствие на избирательном участке

кому-то очень здорово помогло в жизни и обеспечило высокий проходной балл в мир персональных автомобилей, «телефонного права» и депутатской неприкосновенности.

Представьте, что вон та компания бомжей, которую вы распугиваете по пути на работу из-под мусорного бака, собралась там для того, чтобы решить, сколько вы будете платить за свет, газ, воду и вывоз того же мусора в текущем месяце. А почему вас эта мысль так насмешила? Эти самые «синяки» ходили на выборы, их представитель сидит сейчас в депутатском кресле, и именно они имеют право решать о том, как вы будете жить.

Фраза: «Каждый мужчина должен сам решать вопрос о том, кто будет руководить страной в ближайшие пять лет» не должна звучать из уст юмориста. Потому что ничего смешного в ней нет. Каждый уважающий себя гражданин из одного только беспокойства о собственном будущем обязан идти на выборы и голосовать. Без пафоса, без брезгливости и без какого-то скрытого смысла.

Отдавать страну на откуп теткам с авоськами и дядькам с перегаром – это не по-мужски. Надо голосовать. Без причитаний, что это нам не интересно и мы в этом ничего не понимаем. Мы и в технологии изготовления пива мало что понимаем, но каждый раз смотрим на банку, чтобы определить срок его годности. Потому что мы не хотим возникновения нежелательных последствий в виде диареи.

Политика – такой же бытовой и едва ли не ежедневный продукт, как пиво. И разбираться в этом продукте мы обязаны, чтобы избежать неприятных последствий. Не нравятся кандидаты? Не можете проголосовать против всех, потому что нет такой графы? Тогда используйте бюллетень как бумагу для краткого послания избирательной комиссии. Потому что день выборов – это единственный день, в который власть слушает ваше мнение более чем внимательно.

Берите свою семью, своих друзей, идите голосовать и помните, что самые важные политические решения должны принимать именно вы. Хотя бы на том основании, что вы мужчины.

АНГЕЛ МОЙ

– Валера, здравствуй, это я, тетя Лида твоя! Алло! Ты меня слышишь?

Еще бы я не слышал. Звонкий, прямо девичий теткин голос вырывается из телефонной рубки и разносится по всему офису. Это значит, что традиционный монолог вместе со мной предстоит выслушать всем, кто находится в помещении.

– Знаешь, я прочитала твою статью про армию и хочу тебя поругать. Разве такое можно писать! Разве можно писать такую правду! Зачем же ты это делаешь? Вот прочитают эту твою статью молодые призывники и вообще служить не пойдут. Испугаются. Кто же тогда Родину защищать будет?

– Тетка моя – жена гвардии майора ВВС запаса. Со своим легендарным супругом больше тридцати лет она скиталась по самым отдаленным гарнизонам сначала Советской, а потом и Российской армии, до сих пор проживает в служебной квартире разваливающегося дома. В поселке при расформированной военной части. Привычно без горячей воды и прочих благ цивилизации. Старший ее сын честно отслужил срочную и вернулся из армии инвалидом. Младшего сына искалечили еще на призывном пункте, но если бы у тети Лиды был третий сын, она не колеблясь отправила бы его на защиту Родины.

– Я хотела тебя спросить о том, за какого брата Путина нам надо голосовать? За Диму или за Игоря? Ну, скоро же президентские выборы, и девчонки из моей школы интересуются, за кого голосовать нам. Просили у тебя разузнать. Может, ты подскажешь?

Что тут подсказать? Если брякнуть, что Медведев и Иванов Путину не только не братья, но и не однофамильцы даже, все равно педагогический коллектив сельской школы мне не поверит. У этих женщин наверняка есть свои осведомленные источники в администрации президента, откуда они черпают столь экзотическую информацию. И еще они читают все бесплатные газеты, смотрят все выпуски новостей и дружно голосуют за «самого симпатичного кандидата». В этом году тетку мою лишили единственной ее льготы по инвалидности – бесплатного проезда в пригородном транспорте. И теперь каждое утро она за свои кровные ездит на работу в поселковую школу за 30 километров от дома. Но голосовать будет только за брата Путина, которого искренне любит и уважает. Потому что он «симпатичный» и потому что он – власть.

– Ты знаешь, я хотела с тобой еще вот о чем посоветоваться. У моего старшего сына скоро день рождения, и я не знаю, что ему подарить. Боюсь опростоволоситься, как в тот раз, когда купила ему бритву, а она оказалась не с тремя лезвиями, а с двумя. Меня так невестка высмеяла, что мне даже стыдно стало. Любимому сыну такую дешевую вещь подарила. Что ему такое подороже купить? Он подороже любит.

Всю свою жизнь тетка Лида живет на зарплату учительницы. Математику в школе преподает до сих пор. Невзирая на инвалидность свою и пенсионный возраст. Уходить не хочет, потому что тогда детей совсем учить будет некому и школу закроют, а школу жалко. И детей жалко. И сыновей, которые настолько заняты, что за целый год у них не находится времени приехать к матери в гости, тоже жалко. «Мальчишки» заняты, занимаются бизнесом, очень много работают. Тетя Лида теперь кошек воспитывает. Подбирает на улице и воспитывает. Хорошо, кстати, получается. У педагога с тридцатилетним стажем кошки ходят по струнке. Только тощие очень. На учительских харчах сильно не разжиреешь. До сих пор не могу понять, как она живет на свою нищенскую зарплату? А еще все соседи всегда ей денег должны и никогда долги не возвращают. Она и мне каждый раз пытается всучить денежку и страшно обижается, когда слышит слово «взаймы».

– Какие займы? Бери так, мы же родственники, – выговаривает мне тетка с удручающей регулярностью. – Ты старший сын моей любимой сестры и мне как сын. А говоришь тетке «просто так денег не возьму, а если только займы». Я тебе что, банк?

– Валер, а я теперь богатая стала! Помнишь мой участок земли, где у меня огород всегда был? Представляешь, там теперь поселок для переселенцев собрались строить и мои десять соток купили. Хороший такой человек купил. Говорит, что москвич. Правда, не очень русский на вид. Но зато очень уважительный. Сто долларов мне дал за десять соток! Представляешь! Так что теперь я с деньгами.

Теткино ликование доносится до слуха моих коллег, и лица у них вытягиваются.

– Теть Лида, постой, ты говоришь, что продала свой участок в 10 соток, тот, что рядом с федеральной трассой, электрифицирован, с артезианской скважиной, за 100 долларов?

– Да, за сто! Он мне сначала хотел сто евро дать, а потом мы поговорили, я ему документы на участок отдала, а он мне доллары. Так что есть теперь деньги, чтобы сыну хороший подарок купить! И невестка должна обрадоваться! Как ты думаешь?

Да уж, это точно. Как только родственники узнают, что участок стоимостью в десять тысяч у.е. «ушел» за сто, они будут просто счастливы. Тут и гадать нечего.

Я попрощался с ликующей теткой, повесил трубку, посмотрел на недоуменные лица моих коллег, которые готовы были наперебой советовать мне, как именно надо признать ничтожной сделку продажи участка земли за бесценок, и вдруг подумал: а что на самом деле чувствует человек, который живет в этом мире и умудряется совершенно этот мир не замечать? Что это за странный дар видеть в аферисте «уважительного человека», в проходимце – «симпатягу», в демагоге и лжеце – «умницу и юмориста»? Что движет человеком, который последнего сына готов отдать «на защиту Родины», последнюю копейку на пропитание своих кошек или просто случайному человеку, потому что «человек попросил, ему деньги нужнее».

Оглянитесь вокруг. Этих странных людей, способных видеть вокруг себя только доброе, только хорошее, очень много. Они не ходят на митинги с разноцветными флагами, они не привлекают к себе повышенного внимания, они вообще ничего и ни у кого не требуют. Они просто живут и любят своих детей, внуков, племянников. Простой, тихой, наивной любовью.

А теперь вспомните, сколько раз вы приходили в церковь, чтобы увидеть на иконах лики святых, чтобы испросить у них помощи в разрешении своих проблем. Но почему никому из нас никогда не приходило в голову перестать пялиться на небо и просто оглянуться вокруг. Разве они не святые – наши матери, наши любимые бабушки и тетушки, наши заслуженные и незаслуженно позабытые деды? Получив по правой щеке, они немедленно подставляют левую. Ограбленные, они готовы отдать последнее. Позабытые – прощают нам все обиды или считают их вполне заслуженными. Обманутые – вновь готовы верить, верить, верить.

Они живут рядом с нами и несут секрет этой своей неуязвимости, независимости от нашего трижды безумного мира. И, в отличие от канонизированных, «официальных» святых, они никогда и никому не отказывают в помощи и совете. Только вот почему же так редко мы просим у них совета и никогда не молим о помощи? Они же святые, и они живут среди нас.

МОИ ЛЮБИМЫЕ КАЛИНИНГРАДКИ

Когда пятнадцатикопеечные монетки заканчиваются, а смотреть, как в «Морской бой» играют другие, становится скучно, можно подняться на второй этаж и приобщиться к прекрасному.

Художественная выставка в фойе кинотеатра «Октябрь». Год 1985-й. Картины, картины, картины... Холст, масло. А вот и она. В раме миловидная девица. Сидит на подоконнике. Поза свободная, даже несколько расслабленная. Одна стройная ножка, затянутая в импортную джинсу, заброшена на ножку другую. Взгляд прямой, открытый. В нем вызов и даже какой-то совершенно бесстыжий задор. Разве можно так оценивающе смотреть прямо в глаза собеседнику? Опускаю взгляд. На бирочке под рамой: «Калининградка».

– Я не могу с этими женщинами общаться, – сетует мой приятель – свежеиспеченный москвич. – Они прямо в бумажник мне смотрят, когда я за обед в кафе плачу. Так же нельзя! И ведь знаю, что и я ей пофигу, и деньги мои тоже. И не будет она моей никогда в жизни. Но смотрит, смотрит! Оценивает меня! Это же просто неприлично! – срывается приятель на фальцет.

– Нельзя мне без пятисотки домой возвращаться! – это уже другая длинноногая девушка делится со мной наболевшим, уплетая омлет с ветчиной. Она пришла ко мне двадцать минут назад, вынудила накормить ее завтраком за то, что опечатала мне счетчик.

– У меня сын. 12 лет. Воспитываю его одна, так что деньги нужны до зарезу. Не менее 500 рублей в день! Я уже и так, и эдак экономлю, но меньше не получается.

– И где же вы эти деньги берете? – интересуюсь я у специалиста по пломбировке счетчиков исключительно для поддержания светской беседы.

– Известно, где! – любительница омлета окидывает меня оценивающим взглядом. – Дело то житейское. Все мы люди... – ставит девица в конце фразы многоточие, подцепляет на вилку последний кусочек ветчины, отправляет его в рот, облизывает губы тонким розовым языком и выжидательно смотрит мне в глаза.

Я вдруг догадываюсь об источнике пополнения семейного бюджета этой милой калининградки, и у меня перехватывает дыхание от такого неожиданного открытия. По-своему оценив молчание, девица отрицательно качает головой и молвит:

– Меньше никак нельзя. Пятисотка...

– Да все они тут продажные! – это еще один москвич. Снимает домик на лето в Партизанском поселке и один раз в неделю ездит в Калининград, чтобы в бане помыться. В пригородном автобусе мы и встречаемся обычно. Поговорить.

– Город вообще портовый, и нравы тут у вас, скажем прямо, соответствующие... Девки красивые, но без денег даже не подходят.

Мне нечем утешить моего попутчика. Хочется сказать, что, если бы я мылся один раз в неделю, весил 150 кг при росте 160 см, носил длинные волосы и подвязывал их веревкой, а на жизнь зарабатывал продажей лотерейных билетиков, моя личная жизнь тоже дала бы трещину. Но я молчу. Зачем человека расстраивать? У него и так в Калининграде с женщинами все плохо...

– А где ты свою машину поставил? Сколько ко мне на работу приезжаешь, а машины я твоей ни разу не видела.

Эта блондинка с безупречной фигурой каждую нашу деловую встречу заканчивает пожеланием познакомиться с моей машиной. Я так запуган ее интересом, что прячу свой приличный даже для Калининграда «пассатик» и прихожу на встречу пешком. Я не хочу, чтобы меня оценили слишком низко, потому что с этой горожанкой мне еще предстоит работать и полу-

чать от нее важную информацию, а я не уверен, что она не заносит в категорию «лузеры», то есть неудачники, только владельцев «геленвагенов»...

– Привет! Садись в машину, подвезу!

Девушка отстегивает свой ремень безопасности, изгибает стройный стан и открывает мне пассажирскую дверь своего красенького «Цивика», а заодно и прекрасный вид на глубокое декольте.

Грудь – что надо. Будь я чуточку понаивнее... Эх, где мои 17 лет! Это сейчас я вижу, что такой роскошный бюст может соорудить себе каждая девица, удачно подобрав нижнее белье. Если у нее есть мозги и деньги. У моей знакомой в избытке и того, и другого. Поэтому недостатки своей внешности она эффектно превращает в несомненные достоинства.

– Можно задать тебе личный вопрос? – это моя реплика.

– Валяй! – девица закуривает тонкую сигаретину и уверенно ведет свою малолитражку по городским ухабам.

– Сколько раз ты была замужем?

– Пять раз. Это если официально. В шестой раз собираюсь за американца. Но это пока секрет. Так что на работе – ни-ни!

От каждого своего мужа калининградка уходила с добром. От кого-то осталась на память квартира, от кого-то – участок земли, от кого-то – питбуль. Детей вот только нет. Но эта девушка, давно разменявшая четвертый десяток, не слишком об этом беспокоится и уверена, что самые интересные страницы ее жизни еще впереди.

Красивые, стильные, деловые, хорошо знающие себе цену – они такие же, как и были двадцать лет назад, – мои любимые калининградки. Я с легкостью узнаю их в столичной толпе, в зарубежной поездке – по одежде, по взгляду, по осанке. Я всегда буду любоваться этими замечательными девушками и женщинами и всегда, как и двадцать лет назад перед картиной забытого мной мастера, буду немного робеть под их пристальным и оценивающим взглядом.

СДЕЛАНО ПО-РУССКИ

– Валерий Васильевич, а другого чертежа у вас не найдется?
– Огромный слесарь по фамилии Гудвиль крутит в мозолистых ручищах свиток факсовой бумаги, на котором едва проступают контуры какой-то схемы.
– Нет, мужики, нам прислали только этот чертежик по факсу. И больше никакой технической документации к оборудованию не приложено.
– Но здесь же ни черта не разобрать. Все схемы прерваны значками какими-то.
Электрики и слесари навалились на стол для заседаний и сосредоточенно шуршат тонкой бумагой.

– Валерий Васильевич! – подает голос старший электрик. – Да ведь это знак «доллар» нарисован! Вместо соединения сети с пультом управления они нам доллары нарисовали! Смотрите!

Мне суют под нос потрепанный свиток, чтобы я сам убедился в правоте слов электрика Пермякова. Точно! Доллары нам по всей схеме нарисовали. Мол, платите деньги, тогда покажем вам продолжение, а пока обойдетесь. Грамотно, нечего сказать. Что же делать?

Признаться, я даже несколько растерялся.

Дело в том, что после первых шести месяцев руководства комбикормовым заводом я остался без заместителей, без главного инженера и без начальников цехов. Не разбежалась только бухгалтерия, потому что, во-первых, ей некуда было бежать, во-вторых, бухгалтерши, в отличие от моей «технической интеллигенции», запоями не страдали и не пытались выносить с завода никаких материальных ценностей.

Примерно по тем же причинам остались на заводе и простые работяги: слесари, электрики, строители, грузчики и прочие дробильщики. Так что «смычка» генерального руководства акционерного общества с рабочими состоялась совершенно естественно, поскольку инженерная прослойка между нами отсутствовала. А инженерная прослойка была ох как нужна по причине ожидаемого на заводе технического перевооружения. Уже был привезен из Германии супер-пупер мощный сепаратор для очистки зерна от примесей, и лежал этот замечательный агрегат в разобранном состоянии и в ящиках прямо на снегу возле зерноприемного комплекса. Не просто лежал, а в качестве гаранта нашей будущей счастливой жизни и будущей комфортной работы на новом оборудовании. Немцы, поставщики оборудования, ждали только оплаты за сборку и готовы были хоть завтра приехать в наш маленький провинциальный городок и собрать свой фирменный сепаратор согласно заранее оговоренным срокам. Вот только платить им за работу нам было уже нечем. Кризис 1998 года «скушал» и без того скудные наши средства, а это означало только одно: суперсовременное немецкое оборудование будет лежать в ящиках до тех пор, пока не проржавеет и не будет сдано в металлолом.

Ну уж нет! Реконструкция завода начнется во что бы то ни стало. Начнется прямо сейчас и закончится она должна как раз к уборочной страде. Так я обещал акционерам, а обещания свои надо выполнять.

– Послушайте, мужики, да неужели мы с вами глупее этих самых немцев? – воскликнул я молодецки.

– Нет! Мы не немцы, мы, эта, гораздо умнее, да! – в тон ответили мне слесари, электрики и строители.

– Они там, в Германии, думают, что раз доллары нам нарисовали, то мы и оборудование собрать не сможем?

– Сможем! Да мы всю жизнь на этом заводе, с закрытыми глазами нории всякие ремонтируем, а это... изделие и подавно соберем!

– Докажем этим немцам, что мы лучше, умнее, сильнее и что мы русские.

– Докажем! – воскликнули парни и гурьбой повалили из моего кабинета, оставляя на паркете грязные следы.

И работа закипела!

Я не успевал звонить по телефону на соседний завод, где руководству удалось сохранить своих технических работников, и спрашивать, а можно ли заменить швеллер на трубу и достаточно ли будет стали в шесть миллиметров, чтоб сделать настил между этажами. И инженеры каждый раз подтверждали, что мои работяги все делают правильно, и что труба крепче двутавровой балки, и лист, конечно, это хорошо, но для того, чтобы выдержать ветровую нагрузку, листы бы лучше сделать гофрированными, и так далее, и так далее...

Конструкция росла все выше, мои ребята в валенках и телогрейках ползали по железу на январском ветру и каждый день показывали мне все новые и новые изобретения и рационализаторские предложения, которые внедрялись прямо на месте.

В пух и прах раскритиковав крупнейшую в мире фирму – производителя оборудования для предприятий сельхозпереработки, мои работяги делали все по-русски, то есть быстро и с умом. Так что очень скоро рядом с третьим элеватором выросла башня зерноприемного комплекса, обшитая гофрированными листами железа, изготовленными прямо на нашем заводе кустарным способом, но выглядящими так же зажиточно, как на глянцевых проспектах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.